

Константин Харский

КОМУ ТЫ НУЖЕН

16+

Константин Харский

Кому ты нужен

«Автор»

2022

Харский К. В.

Кому ты нужен / К. В. Харский — «Автор», 2022

ISBN 978-5-532-91969-3

Думаете, Вы сможете прожить жизнь и ни разу не отказаться от себя прежнего? Думаете, это мудро — хранить верность обещаниям, которые Вы дали сами себе и другим людям, будучи еще ребёнком, подростком, молодым человеком? Думаете, Вы в 18 лет всё знали про мир, в котором теперь оказались? «Кому ты нужен», психологический триллер. Имеет ли право человек начать свою жизнь с чистого листа? Прожить её заново, если первый раз у него это не очень получилось? Нет, это не фантастика. Это выбор, перед которым встает главный герой этой книги. Томасу 37, у него есть высокооплачиваемая работа, девушка и всё, чтобы сказать, что его жизнь сложилась очень даже неплохо. Но это не та жизнь, которую он хотел прожить. И судьба даёт ему второй шанс. Константин Харский - психолог, консультант, тренер. Автор 13 книг.

ISBN 978-5-532-91969-3

© Харский К. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1.	6
1.1.	6
1.2.	7
1.3.	11
1.4.	13
1.5.	17
1.6.	18
1.7.	19
1.8.	22
1.9.	25
1.10.	27
1.11.	31
1.12.	32
1.13.	33
1.14.	36
Глава 2.	40
2.1.	40
2.2.	43
2.3.	45
2.4.	47
2.5.	50
2.6.	52
2.7.	54
2.8.	58
2.9.	61
2.10.	62
2.11.	64
2.12.	65
2.13.	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Константин Харский

Кому ты нужен

...какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?
В. Маяковский

Человек – это то, во что он верит.
А.П. Чехов.

Ничто не обязано продолжаться.
К. Харский

Глава 1.

1.1.

Могут и убить.

Могут и убить – чем ещё диверсант отличается от актёра? В остальном – море общего. Оба играют роль, на работе сами собой не являются, обоим частенько приходится нравиться, обманывать, соблазнять. Актёр знает: соблазнённый зритель щедр. Диверсант знает, что соблазнённый враг беззащитен. Если когда-нибудь устроят соревнование по соблазнению, диверсанты выиграют с разгромным счетом, потому что их на работе могут и убить.

Не-не-не, разве можно так танцевать бачату в теневой позиции? Партнёрша стоит перед партнёром, он – за её спиной и чуть левее. Партнёрша должна чувствовать в партнёре опору, а этот что вытворяет? Нет, на это невозможно смотреть.

Томас подошёл, посмотрел на партнёра, но руку протянул девушке: «Позвольте, месье, я покажу вам это движение? Я профессиональный преподаватель бачаты».

Месье с такой охотой уступил партнёршу, словно хотел сказать: «Забирай, вернёшь в отель к десяти вечера, но не позже одиннадцати».

Томас склонил голову, взял руку девушки в свою и дерзко перешёл в фулл-контакт.

«Вау», – только и успела сказать девушка перед тем, как поняла, что пропала.

Через несколько минут Томас вернул девушку партнёру со словами: «Как я и думал, уроки бачаты нужны Вам, месье. Ваша партнёрша танцует божественно». Томас достал визитку школы бачаты с адресом на площади Лайоша Кошута в Будапеште. Визитку Томас отдал мужчине, как и положено в подобной ситуации.

«Там еще телефон указан. Если вы соберётесь прийти – позвоните, чтобы убедиться, что у меня в этот день есть уроки», – сказал Томас, зная: девушка обязательно позвонит и не для урока танцев. Танцует она очень хорошо. Кроме того, у неё самые глубокие глаза, которые когда-либо видел Томас. Кроме того, у неё так стучит сердечко, что Томас почувствовал ее сердцебиение сразу своим сердцем, минуя другие органы чувств. А её запах просто сводит с ума. Ведь другого объяснения, почему Томас дважды сбился с ритма, и быть не может.

Если бы девушка не позвонила, то у Томаса на этот случай был план «Б». Потому что никакой он не учитель танцев, он – диверсант. А девушка – дочь банкира. А банкир, заработав немного денег, решил, что теперь он сам будет определять политику банка. Что эти банкиры себе позволяют? Вернись-ка в строй. Сам или тебя попросит дочь. Извини, что так грубо, но ты, банкир, перестал отвечать на наши звонки.

Да, Томас – диверсант, хоть и родился актёром. Так вышло.

1.2.

Томас всегда, сколько помнил себя, любил фантазировать. Буквально жил в своих фантазиях. Когда ему чего-то не доставало, то он с лёгкостью выдумывал и друзей, и мороженное, и хорошую погоду, и то, что завтра начнутся каникулы и можно будет поспать подольше. Бывало, фантазии даже сбивали с толку и он просыпал уроки, думая, что сегодня выходной. Ему бы влетало и от учителей, и от родителей, если бы не вторая сторона его характера. Он был дерзок от рождения и умел выкручиваться. Только поставит его жизнь в безвыходное положение – глядишь, а он уже по ту сторону тупика.

Томас не родился дерзким. Ловким – да, но дерзким ему пришлось стать, чтобы не пропасть в своём окружении. Слишком блондин. Слишком симпатичный для мальчика. Слишком серые глаза. Имя слишком не похожее на Коля, Вася, Петя. Родившись чужим для своего окружения, Томас встал перед выбором: выжить дерзким или превратиться в изгоя. Уже пяти лет от роду Томас был дерзким, и именно в этом возрасте воспитательница детского сада первой назвала Томаса бандитом.

В младших классах школы дерзость Томаса направилась в спортивные секции и театральные кружки. Руководитель школьного театра не могла упустить такого красавчика и приобщила к сцене. Если других надо было уговаривать выйти на публику, то Томаса со сцены приходилось забирать. Однажды произошёл курьёзный случай. Завуч, посчитав, что Томас достаточно посмешил зал фразой «А эти, вчера, по три рубля, но маленькие» и что пора на сцену выходить следующим артистам, вышла и увела восьмилетнего Томаса за руку. Он ушёл, глядя на завуча исподлобья. Хорошо, что ещё не сделал болевой с удушением. За кулисами маленький Томас освободил руку, вернулся, прогнал со сцены куплетистов из параллельного класса и доиграл свой номер до запланированного финала, чем вызвал овации зала и прощение завуча, которая сама смеялась до слёз.

Родители побеспокоились, чтобы Томас ходил не только на карате, но и на волейбол с баскетболом. Умение постоять за себя у Томаса было врождённым, а вот способность быть членом команды пришлось воспитывать. И Томас был членом лучшей баскетбольной команды города. А город ни много ни мало – областной центр, не село какое-нибудь с единственной баскетбольной корзиной на стене зернохранилища. Плюс немного шахмат и немного академического рисунка для общего развития. До четырнадцати лет он был счастлив, как теперь выясняется. Во всех компаниях Томас чувствовал себя как рыба в воде. Ребята постарше просили дать им пару уроков пикапа. У Томаса были и внешние данные, которые позволяли вызывать интерес у девчат, и та самая дерзость, которая цепляла сверстниц не хуже редких в этих краях чистых серых глаз. Томасу было не жалко. Он учил ребят искусству получить у незнакомой девушки номерок телефона или согласие немного погулять вместе. У самого Томаса был козырный способ. Он брал гитару, шёл на набережную и тихо, чтобы гитара не перекрывала голос, начинал петь:

*На хороших людей и плохих
Всех делила ребячья порода,
Мы играли в пиратов лихих
И в отважных бродяг мореходов.
Забывалась любая беда
И терялась в далёком просторе,
И не верили мы никогда
Что кончается, что кончается,
Что кончается синее море.*

И девушки собирались сами.

Потом родители переехали, и Томасу пришлось сменить страну, город, язык. В новом окружении Томаса приняли враждебно. Это было предсказуемо. Неожиданной для всех оказалась апатия Томаса. Он не стал добиваться признания у одноклассников, хотя без сомнения легко мог это сделать. Может быть, истинной причиной апатии была внезапная первая влюблённость, которая рванула, как спящий вулкан, и завершилась спешным и скомканным переездом в другую страну. Томас больше думал о девушке, с которой вынужденно расстался, чем о своих новых одноклассниках.

Томас, конечно, избил главного драчуна новой школы, но скорее всего даже не помнит этого. Драчун стал задираться, чтобы утвердить своей авторитет, Томас его чуть-чуть толкнул. Несколько раз. Директор школы пообещал в следующий раз вызвать полицию. Томас согласился. Томас не стал занимать место главного драчуна, потому что страдал от любовных мук и ему было не до глупостей. Так что все, кто был вовлечён в процесс выстраивания иерархии между мальчиками, решили, что Томас странный, а трон школьного лидера остался за избитым хозяином.

Получилось так, что сначала Томас не сделал усилия влиться в коллектив, а потом, когда чувства успокоились, уже не захотел вливаться. Привык быть сам по себе, придумал себе вымышленных друзей и собеседников, начал запоем читать книги, научился получать удовольствие от одиночества. Все привыкли, что Томас сам по себе. Томас продолжал понемногу заниматься единоборствами, скорее по привычке, чем из свойственного ему куража. Родители видели перемены в Томасе, предлагали сходить к психологу. Томас отказался.

После окончания школы, не имея особых эмоциональных связей со сверстниками, Томас растерялся перед взрослой жизнью, за неимением других идей получил права и стал работать водителем в компании отца.

Родители понимали, что эмиграция и расставание с той девочкой сильно повлияли на сына. Дерзкий, бойкий, ловкий, смелый – он таким и остался, но теперь ему словно не хотелось проявлять свои козыри. Говорят, был мальчик, который до семи лет молчал. Потом случайно выяснилось, что мальчик умеет говорить. Когда же у него стали спрашивать, почему он молчал всё это время, мальчик сказал, что до этого момента не было подходящего повода заговорить. Может, это всего лишь легенда, но родители надеялись, что их Томас ещё вернётся, когда появится веская причина.

К двадцати двум годам отстранённость и отчуждённость Томаса достигли предела. Такая жизненная позиция позволяла ему легко выполнять работу, за которую другой человек даже не возьмётся. Сначала армия, потом разведка, потом училище, теперь диверсионное управление. Время от времени солдату и тем более диверсанту приходится делать чью-то жизнь хуже. Диверсант только этим и живёт: то кого-то скомпрометирует, то соблазнит, то ограбит, то разрушит, то убьёт. Такая работа, ничего личного. Убивать, соблазнять и грабить удобнее тех, кто тебе безразличен. А Томасу были безразличны почти все, кроме родителей и ещё пары человек, одного из которых Томас знал заочно. В таком мире жил Томас. Не то чтобы счастливо, зато предсказуемо.

И Томасу, и его родителям приходила в голову мысль восстановить контакт с той девочкой, раз уж такая любовь случилась. Злая ирония состояла в том, что кроме имени Томас ничего про неё не знал. Пионерский лагерь, вторая смена, четвёртый отряд. Чёрт с ним! Можно поднять архивы и найти по имени, по фотографии. А если девочка забыла те короткие встречи после отбоя и одну сценку в спектакле, в которой девочка прыгала, а Томас ловил её за хрупкую талию? Если она не вспомнит Томаса по фотографии? Если у неё своя жизнь и в ней нет места для Томаса? Нет уж, пусть идёт как идёт: солдат, разведчик, диверсант. Томас не осознавал, что делал всё, чтобы прожить эту жизнь поскорее, раз уж так сложилось. Может, ему повезёт и в следующей жизни он будет более счастливым.

Теперь Томасу тридцать семь. На его счету десятки серьёзных дел. Реализация пяти последних операций была полностью на нём: от планирования до финала. Томас – главная звезда на небосклоне Управления. Томас знает, что он не единственный, но самый перспективный. Значит по соображениям целесообразности все сложные задачи будут поручаться ему, пока «Акела не промахнётся дважды». Затем – или уход на тренерскую работу, или Управление решит закрыть его вопрос раз и навсегда.

Томас знал свои перспективы, не сильно дорожил жизнью и развлекался как мог в предлагаемых обстоятельствах. Если бы жизнь сложилась чуточку иначе, Томас стал бы режиссёром. Больше, чем выступления на сцене, Томас любил постановку и организацию спектаклей. Были и задатки продюсера: Томас даже ненастоящие билеты «продавал» за ненастоящие деньги. Все говорили про реинкарнацию, допуская, что в Томаса при рождении вселился дух театрального режиссёра. Часто сам того не замечая, в свойственной для себя манере Томас делал работу с налётом артистизма, драматизма, в крайнем случае – клоунады.

Две несочетаемые черты характера слились в одном человеке и породили диверсанта, желающего зрительского признания и аплодисментов. Каждую операцию Томас планировал как спектакль: роли, реплики, реакция зрителей, катарсис в финале. Ему говорили: «Нужно убить – убей. Зачем ты цветок на подоконник поставил? Разве твоя жертва – профессор Плейшнер?» Однако работу Томас делал лучше прочих. Командиры наставляли Томаса: надо быть расчётливее, прагматичнее. Но ему хотелось шоу.

Томас посчитал бы личным оскорблением, если его самого убьют просто, незамысловато, без огонька. Пусть убийство Томаса войдёт в историю. Пусть получится учебное пособие для молодых диверсантов. Пусть снимут кино или хотя бы напишут книгу. Чёрт с ней, с книгой; пусть выйдет заметка на двести слов в местной хронике и сорокасекундный репортаж в новостях – хотя бы так. Но исполнителей, способных на такое представление – раз-два и обчёлся. Томас да ещё один диверсант в Москве. И если Брагин для Томаса – кумир и объект для подражания, то полковник Брагин даже не слышал про Томаса. Не тот у Томаса пока уровень выступлений, не та сцена. Если бы можно было диверсанту выбирать своего убийцу, то Томас однозначно предпочёл бы Брагина и захотел посмотреть всё представление от начала до конца. Ещё одна несбыточная фантазия Томаса.

Что на личном фронте? Четыре года Томас живёт с девушкой. Познакомились на дне рождения общего друга. Оба были без пары, и именинник посадил их рядом. Слово за слово, подружились. Потом поняли, что есть взаимное чувство. Может – любовь, может – что-то попроще. Наверное, всё-таки симпатия. Стали жить вместе. Инга намекала на брак, но Томас ещё не сказал ей, кем он работает на самом деле. Инга была симпатичной, доброй, умной и прагматичной, как тут принято. А для Томаса этот мир всепроникающей целесообразности так и не стал родным.

Годы ушли у Томаса на то, чтобы смириться с прагматичным укладом жизни. Только из этого ничего не вышло. Не мог Томас принять этот прагматизм как главную норму жизни: ты представляешь ценность для других по сумме своих ресурсов, которыми они могут воспользоваться. В этом смысле самые уважаемые люди – стоматологи. Ты можешь прийти к стоматологу в гости с бутылкой дешёвого венгерского вина и показать ему свои зубы. Он, конечно, назначит приём в кабинете, но первый совет ты получишь по-дружески, всего за два с половиной евро.

Томас был невыгодный друг. Никто не мог прийти к нему с бутылкой вина и получить совет. Томас – диверсант, только об этом никто не знает. Его прикрытием была компания, торговавшая с Советами вторчерметом. Нельзя принести водопроводный люк и прицениться у Томаса хотя бы в первом приближении, за сколько его можно сдать в металлолом.

Работа, которой не мог воспользоваться никто из знакомых, делала Томаса максимально бесполезным и ненужным. Добавляла дискомфорта всеобъемлющая меркантильность окружа-

ющих. Всё подвергается подсчёту, у всего есть цена и каждый должен вести баланс затрат и прибылей.

Смешно сказать, но раз так вышло, то и умолчать нельзя: Инга считала себя авторкой и режиссёркой артхаусных фильмов. А Томасу, прирождённому театральному режиссёру, приходилось быть продавцом металлолома. Разок Томас решил вставить свои пять сантимов в обсуждение очередного театрального шедевра. Инга так многозначительно посмотрела на Томаса, что он телепатически услышал её мысли: «Не следует продавцу вторчермета позориться, высказывая свои поверхностные суждения об акте высокого искусства».

Томасу тридцать семь. В этом возрасте у его отца была дружная семья, а самому Томасу тогда было четырнадцать. Первые и похоже последние счастливые воспоминания были связаны с тем периодом жизни. Потом кризис в стране, разруха, эмиграция, армия, разведка, секретная служба. Однако кое-что связывает Томаса с беззаботными, светлыми и добрыми воспоминаниями из детства: он как был, так и остался ужасным сладкоежкой. Диверсант с задатками режиссёра, который хороший кусок горького шоколада ставит следом за присягой.

Томасу тридцать семь, и он всё чаще задумывается, какими будут его следующие тридцать семь. Снова и снова он приходит к мысли, что надо что-то менять и может быть даже радикально. Будет ли в лучшем будущем место для Инги? Вероятно, нет. Она не сможет, да и не захочет уменьшить свой прагматизм; она не считает полезными большую открытость и эмоциональность. «Зачем портить чувствами то, что хорошо работает» (с) Инга. Она хорошая девушка, но не та, какую представлял себе Томас. Он даже верит словам Инги о том, что та хочет брака и долгих лет семейной жизни с Томасом, но чего хочет он сам?

Томасу тридцать семь, и что-то надо менять. Возможно, он сделал ошибку в двадцать два, когда пошёл в армию и потом в разведку. Он сделал ошибку, но всё можно переиграть. Подать в отставку, начать с нуля. Возможно, для этого потребуется вернуться в Россию. Он не будет искать ту девочку. Просто будет надеяться, что в России она была не одна такая: светлая, чувственная, искренняя.

Что-то нужно менять.

Вероятно, всё.

1.3.

На столе Яниса Баумане, руководителя секретной службы Латвии, завибрировал телефон.

– Пришёл Томас Сискинс, – доложила секретарь.

Янис нажал «отбой» и положил телефон на стол экраном вниз. Через мгновение дверь открылась, и в кабинет решительно вошёл светло-русый, крупный, атлетически сложенный лучший диверсант подразделения. Как раньше говорили, краса и гордость Красной армии. Хорошо, не Красной. Но краса же и гордость? Янис показал на стул справа от Т-образной приставки к своему командирскому столу.

– Можно попросить, чтобы ваш секретарь научилась читать мою фамилию? – в очередной раз безразличным тоном спросил Томас.

– Нет, иначе придётся брать на службу умного секретаря, а в нашем деле это означает гарантированный провал. Уверен, что мой секретарь думает, что мы спекулируем металлоломом. И пока это так, мы с тобой, Шишкинс, в безопасности.

Томас с видимым сожалением согласно кивнул.

Янис наклонился, достал из сейфа большой конверт. С интересом и каким-то вызовом посмотрел на Томаса, словно решая, отдавать ли ему конверт, или оценивая, справится ли краса и гордость с этим заданием. Томасу даже показалось, что руководитель как будто сомневается в способности Томаса выполнить задание.

Конверт же мог означать только одно – дело, «которое нельзя не выполнить» (с) Янис Баумане.

Томас взял конверт, открыл клапан, увидел там анкету с приколотой фотографией, положил конверт на стол и посмотрел на начальника.

– Сделай красиво. Так, чтобы даже сам объект растрогался и аплодировал тебе стоя, если бы смог увидеть свои последние мгновения. Посмотри файл.

Томас достал документы из конверта. Всего четыре листа А4, одна фотография приколотая степлером и пара фотографий большого размера между страниц. Томасу хватило одного беглого взгляда, чтобы понять, о ком идёт речь. Он опустил глаза. Желваки на скулах предательски напряглись. А начальник продолжал наслаждаться моментом.

– Почему... – «Почему я?» – хотел спросить Томас, но духу хватило только на «почему».

– Это приказ, а мы с тобой давали присягу.

– Почему я?

– Если я поручу это дело другому, ты первый отомстишь и мне, и исполнителю. Через пару минут ты сам согласишься, что можешь быть назначен только ты, – сказал Янис, получая удовольствие от причиняемых Томасу мук.

На столе перед Томасом лежала фотография и фрагмент досье широко известного в узких кругах российского диверсанта, автора десятка феноменальных операций полковника Брагина Павла Сергеевича.

Томас не был лично знаком с полковником, но это не помешало Брагину стать кумиром и учителем Томаса. Если оставить эмоции, то этих двух людей объединяла профессия диверсанта и подход к работе. Оба – сначала Брагин, а потом и Томас – проводили свои операции как недурные, а часто и просто потрясающие одноразовые спектакли. Одноразовые, потому что исполнитель главной роли каждый раз погибал, как и было предписано.

Янис торжествовал: он наконец-то увидел Томаса растерянным и беспомощным. До следующего раза пройдут годы ожиданий. Не каждый день диверсант такого уровня, как Томас, получает задание ни больше не меньше как убить отца. Не родного, но профессионального. Убить наставника. Пусть заочного, но наставника. Убить учителя. Убить человека, который

связывает тебя с родиной. Других знакомых на территории России, за жизнью которых следил Томас, не было.

Томас не может выполнить задание! Отказаться тоже нельзя. Не успел с отставкой. Надо было подавать рапорт раньше. Теперь поздно: приказ получен. Томас знал себя как человека, верного присяге. Хотя профессия диверсанта предполагала способность обмануть кого угодно, хоть папу Римского. Но присяга, будь она неладна.

Если Брагин приговорён и так или иначе будет убит, то лучше, если это спланирует и реализует Томас, верный, преданный, неизвестный ученик Брагина. Беспощадная ирония судьбы. Не успел. Не успел Томас подать в отставку.

С другой стороны, если бы Томас подал в отставку и узнал о гибели полковника Брагина в результате банального, скучного, серого покушения, то посчитал бы это оскорблением гения. Такие люди, как Брагин, должны погибать красиво. Сам Томас представлял свою смерть и на гильотине, и даже на кресте. Это – красиво. Это – зрелищно. Такая постановка долго не забудется.

Янис продолжал наслаждаться, хотя и не понимал в полной мере, что происходит в душе Томаса. Ну считает Томас Брагина диверсантом номер один. После успешного завершения операции номером один станет сам Томас.

– Вопросы есть? Детали операции, документы – всё получишь у начштаба. Сделай, сынок, красиво, – сказал Янис.

Янис был лет на десять старше Томаса, но американские инструкторы ко всем обращались «сынок», и как-то это словечко прилипло к Янису.

Томас встал и, не прощаясь, вышел из кабинета. Дверь не закрылась плотно, и Янис услышал, как Томас пытался втолковать секретарю, что его фамилия пишется как SISKINS, а читается, как «Шишкинс», чего тут непонятного? Напрасный труд. Секретарь до сих пор пишет фамилию одного официального лица с ошибкой и неожиданным пробелом: «Бай дон», вероятно, считая это лицо испанским доном.

Томас ушёл. Янис взял телефон и набрал номер.

– Задание получил, приступил к исполнению... Да кого это интересует?! Да мне на его чувства... А если сломается, то на этот случай у нас есть особый протокол.

Выслушав ответ, Янис кивнул и положил телефон на стол экраном вниз.

1.4.

На кафедре взошёл профессор, доктор медицинских наук, психиатр Симонов Сергей Остапович, 60-ли лет от роду, бодрый и подтянутый мужчина, пробегающий каждый день десяточку. Профессор был интересным лектором, и послушать его приходили не только студенты. Любил профессор две вещи: ставить эксперименты над своими слушателями и задавать вопросы. Вопросы, ответы на которые не знал и он сам. Первое он делал на лекциях, второе практиковал на экзаменах и всё равно ходил во всеобщих любимчиках.

– Здравствуйте, раз пришли, – поприветствовал профессор аудиторию своей привычной фразой. Аудитория загудела в ответ.

– Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, – сказал профессор и посмотрел на аудиторию поверх очков. – Кто продолжит?

В аудитории десяток рук взметнулись вверх. Профессор выбрал жертву и указал на студентку пальцем.

– Как летний одуванчик у забора, как лопухи и лебеда, – продекламировала студентка.

– Как Вас зовут, милое создание? – спросил профессор.

– Аня.

– Анечка, при каких обстоятельствах Вы выучили это стихотворение?

– Это был восьмой или девятый класс, я читала Ахматову и прочла это стихотворение.

– Очень мило. С каких строк оно начинается?

Студентка Аня смутилась, не смогла быстро вспомнить, и ей подсказали: «Мне ни к чему одические рати». Аня показала на аудиторию. Она была молоденькой, но умной и знала, что профессор не простит ей, если она повторит подсказку, выдав её за свой ответ.

– Во что Вы были одеты, Аня, когда впервые прочитали это стихотворение?

– На мне был тёплый свитер, и, прошу прощения, тёплые домашние штаны, тёплые носки. Была зима, и настроение было не самое весёлое, насколько я помню, и в это время я люблю кутаться во всё такое тёплое.

– Это замечательно. Почему Вы, Аня, не смогли вспомнить первую строку, но легко вспомнили, во что Вы были одеты?

Аня была второкурсницей, умной второкурсницей. Поэтому она знала, что если профессор поймает тебя на обмане, то оценку выше тройки у него больше не получить. Не поможет ни смена внешности, ни смена имени и фамилии. Этот профессор обладал чудовищной памятью на всё плохое.

– Не знаю точно. Но, когда вы спросили про одежду, в памяти возник зрительный образ. А когда спросили про начало стихотворения, зрительного образа не было, а самой придумать первую строку для стихотворения Ахматовой у меня духу не хватило.

Умная второкурсница Аня знала от старших товарищей: стоит однажды рассмешить профессора – он тебя запомнит, стоит проявить своё незаурядное чувство юмора – будешь у него в любимчиках. Аня хотела быть у него в любимчиках, раз представился такой случай.

– Как замечательно! Молодец. Вы, Анечка, прочитали всю мою лекцию одной фразой.

– Это пять? – Аня пошла ва-банк.

– Это серьёзная заявка на пятёрку, садитесь. Уважаемые присутствующие товарищи, хотя я вижу среди вас и тех, кто меня не любит. Аня сказала, что одни воспоминания в ее голове связаны с каким-либо изображением, картинкой, а другие – нет. Вам, как заядлым пользователям интернета, будет понятен такой образ. Представьте, что вы заходите на поисковик и вводите: «Во что я был одет летом 1998 года», и поисковик выдаёт вам какие-то картинки. Вы выбираете одну правдоподобную и описываете словами то, что видите на ней. Если продолжать

расспрашивать, то вы вспомните, на чём сидели в тот момент, какая погода была за окном и что кушали на обед. Так?

– Так, – зашумела аудитория.

– Так. Только ничего этого не было в реальности. Всё это – ваши фантазии на тему «Как бы это могло быть».

Аня напряглась, потому что профессор двигался к тому, чтобы обвинить её во лжи.

– Тогда что такое память? И есть ли она? Мы же знаем, что она есть, если можем вспомнить первую строку стихотворения. Значит, где-то в мозгу она лежит. Что вы по этому поводу думаете?

Аудитория молчала. Потому что все, кто ходил на лекции профессора, различали риторические вопросы и вопросы, на которые надо было отвечать. Этот был риторическим.

– Иногда мы знаем, что нам потребуются точные данные, и тогда мы фиксируем в памяти точное слово. Например, как зовут наших папу и маму. Понимаете, был момент, когда вы заучили, как зовут ваших родителей, заучили адрес. И вы знали, что требуется точная фиксация. Одни из вас воспользовались визуальной памятью, и при необходимости вспомнить домашний индекс у вас перед глазами возникает картинка. Анечка, какой у Вас индекс?

– Сто двадцать пять, пятьсот два.

– Это снова была картинка или Вы слышали внутренний голос?

– Снова картинка.

– Во что Вы были одеты на этой картинке?

– В куртке. Я стою в отделении почты и вижу на стене почтовый индекс, – сказала Аня, глядя куда-то вперёд.

– Вы сразу увидели себя в куртке в почтовом отделении? – уточнил профессор.

– Нет, сначала это была вроде как визитка, на которой синим цветом был написан индекс. А когда Вы спросили про одежду, я увидела себя в куртке.

– Ну хорошо. Вот теперь – пять, – сказал профессор, и Аня возликовала.

– Что примечательного в словах новоявленной отличницы?

Аудитория понимала, что надо отвечать, но второкурсники не знали, что будет считаться правильным ответом. А присутствующим на лекции из любопытства на такие вопросы отвечать воспрещалось под страхом изгнания из аудитории.

– Обратите ваше внимание, как память дорисовывает всё, что требуется для ответа на поставленный вопрос. И память не стесняется привирать, выбирая, впрочем, из правдоподобных, вполне возможных реальных состояний. Аня действительно могла находиться в куртке. Но если бы за окном было несколько теплее, то память Ани могла выбрать картинку, где Аня будет в маечке. А если бы наша лекция проходила зимой, то наиболее вероятно, что Аня на почте была бы в шубке.

Профессор осмотрел аудиторию. Понимают ли они его?

– Иногда нам нужно запомнить информацию точно, и мы, зная это, так и запоминаем. Иногда забываем. Можете попробовать вспомнить свой предыдущий номер мобильного, если вы меняете эти номера. Вспомните номера квартир, в которых вы жили, если вы их часто меняете. Попробуйте вспомнить имена ваших жён, если вы многожёнec. И тут выясняется, что мы можем забыть даже то, что должны были запомнить раз и навсегда. Слышали фразу «раз и навсегда», обращённую к вам кем-то из старших?

В аудитории поднялся лес рук.

– Ты, – профессор показал на очкарика в первом ряду.

– Сначала зачётка работает на тебя, потом ты на неё, – сказал очкарик и сел.

Профессор поморщился.

– Ну вот что мне с ними делать? – задал он риторический вопрос, глядя на коллег, сидящих на последнем ряду. Потом обратился к очкарику и тот снова встал. – Кто на кого в какой последовательности работает, милый? Только не волнуйся.

– Ты на неё, потом она на тебя, – уверенно сказал студент.

– А ты как сказал?

– Так и сказал, – сказал студент.

Аудитория зашумела. Студенту подсказали, что первый раз он перепутал.

– Ой, извините, не знаю, как это получилось. Я же эту фразу должен был запомнить раз и навсегда, – сказал очкарик, и ему повезло, что в его словах была изрядная порция юмора, хотя сам студент этого не планировал.

– Сильнее всего в памяти людей разочарованы следователи. Таких фантазий, какие слышат они, ни в одной книжке не прочтаете. Как только в ответ на поставленный вопрос человек не находит точных данных в своей памяти, он начинает подбирать правдоподобные варианты ответа. Память то и дело подводит нас, выдавая вместо воспоминаний правдоподобные фантазии. Учёные провели исследование. Попросили добровольцев вспомнить, как они однажды потерялись в торговом центре. Можете и вы попробовать. Вспоминаете? Было же что-то подобное. Ну? Плюс-минус. Вы с родителями. Или со взрослыми. Может быть, со старшим братом. В торговом центре. Потом хоп – и потерялись. Потом нашлись. Было? Поднимите руку, с кем было что-то плюс-минус подобное. Так. Двенадцать человек. У остальных это воспоминание, как травма, просто вытеснено из памяти. Так, тринадцать. Четырнадцать. Хорошо. Встаньте все, кто смог вспомнить нечто подобное.

Профессор прошёлся по кафедре, глядя на тех, кто встал, словно пытался их запомнить. А те, кто встали, не знали, на пользу им это или во вред.

– Сядьте те, кто жил в городах, где были торговые центры.

Трое студентов остались стоять. Профессор встал напротив первого студента.

– Что Вы, мой дорогой, вспомнили? – профессор голосом выделил слово «вспомнили». В аудитории засмеялись.

– Я, видимо, слишком свободно понял инструкцию «плюс-минус». Зная своего отца, я думаю, он должен был что-то подобное сделать. Но теперь я не уверен, было или нет. Моё детство прошло в деревне, и торговых центров там не было. Но прямо сейчас я будто вспоминаю, что терялся на вокзале.

– Это чудесно. Вот так и работает наша память. Достаточно любого запроса, и если она не находит твёрдо зазубренных данных, то начинает выдавать в сознание что-то правдоподобное плюс-минус трамвайная остановка.

– Сергей Остапович, так есть память или нет? – спросил дотошный студент.

– Видите ли, память вроде как есть. Но как она функционирует, мы не знаем. Мы ещё только подбираемся к правильно сформулированным вопросам о памяти. Мы предполагаем, что есть краткосрочная память и долгосрочная. Долгосрочная память по своей структуре может оказаться похожей на сеть. Сеть, в которой информация связана ассоциативными линиями, и, потянув за одно, мы начинаем вспоминать или выдумывать другое. Эволюция нашего вида определила самый удобный, эффективный и не затратный с точки зрения хранения и передачи информации инструмент для запоминания, и вы все его хорошо знаете. Он с вами с раннего детства и, Бог даст, до глубокой старости. Что это?

– Блокнот, – сказал студент

Профессор от неожиданности поперхнулся.

– Покажись, – попросил профессор.

Поскольку студент не спешил вставать, а все, кто сидел рядом, оказывались под подозрением у профессора, то к стеснительному студенту стали поворачиваться головы соседей, не

желающих нести солидарную ответственность. Одна голова. Две. Четыре. Студент понял, что сохранить инкогнито не получится. Встал.

– Сморозил.

– В некотором смысле ты даже прав. Но я имел в виду самую простую, банальную, с детства привычную историю. Мы так устроены, что запоминать, хранить и рассказывать истории для нас очень естественно. Вот Вы, молодой человек, что Вы думаете о девушках Вашей группы?

– Ну... Они классные, – сказал студент, краснея.

– Вы так думаете или знаете?

– Я так думаю, – честно признался студент.

– Верно. Потом Вы узнаете их ближе, и Ваше мнение может измениться. Господи, да кого я обманываю – стопроцентно изменится, – сказал профессор, и в аудитории раздался смех. Чем старше был слушатель лекции, тем увереннее он или она смеялся.

– Откуда Вам, молодой человек, известно, что они классные?

– Ну... это... как сказать... старшие товарищи рассказывали, – признался студент.

– Вот именно! Рассказывали! Рассказывали истории про девушек. История и есть носитель знания и форма хранения информации. Что и требовалось доказать. Мы запоминаем истории. Мы можем их сочинять и пересочинять заново. Мы можем ими делиться. А выглядит так, словно мы делимся воспоминаниями. Шкафа с памятью нет. Есть истории, которые мы помним, – сказал профессор, стоя в центре кафедры с поднятым вверх указательным пальцем.

1.5.

На проходной Брагина встретил адъютант шефа и уж как-то слишком формально поприветствовал. В лифте были посторонние; но как только они оказались одни в мрачном коридоре, Брагин спросил адъютанта: «Расстрел или увольнение?»

– Сам не знаю, шеф в ярости, – не открывая рта и не артикулируя слова губами, сказал адъютант.

Дальше, до самого кабинета, они шли молча. Брагин перебирал в памяти все свои косяки: их набиралось на пять расстрелов. Как говорится, как ни крути, а помирать надо. Сказка такая была. Отчего-то в детстве Брагин её любил. Точнее, Брагину нравилась реакция взрослых на то, как маленький Паша рассказывает про старика, который, пытаясь обмануть смерть, ложился на кровати то так, то эдак. Смерть придёт – а там, где должна была быть голова старика, лежат его ноги. Смерть уходит. На следующую ночь старик опять по-другому ложится. Короче, так замучил он свою Смерть, что та ему и говорит: «Ты как не крутись, а помирать надо». Странно, но Брагин не помнил, чем заканчивалась сказка: помер старик или все-таки выкрутился?

Адъютант открыл дверь, впустил Брагина и остался снаружи.

В кабинете за своим столом горой Джомолунгмой возвышался начальник Управления. Никто не знал, какого цвета крышка этого стола, потому что сам стол всегда, всегда, всегда был завален бумагами: справками, отчётами, доносами, сообщениями, приказами. Брагин стоял у дверей кабинета и ждал команды, потому что всё было не как всегда.

Начальник позвонил сам – это раз. Матерился так, что Брагин в его-то годы узнал пару новых оборотов, – это два. Приказал явиться немедленно – это три. Встречал и сопровождал адъютант – это четыре. Начальник не предлагает присесть – это пять. Сегодня вторник, и начальник в это время должен быть у министра – это шесть. Теория катастроф гласит, что семь сбоев в системе гарантируют поломку.

– Допрыгался? – зло спросил начальник.

Брагин, как выдающийся физиономист, понял, что злость начальника настоящая. Семь!

– Как ни крутись, а помирать надо? – спросил Брагин. Кивнул на красную папку, лежащую поверх вороха бумаг. – Что в приговоре? Можно узнать?

– Это – приказ. Но если желаешь называть его приговором – изволь. С завтрашнего дня переводись на преподавательскую работу в Академию.

– Да ну на... – неожиданно даже для себя сказал Брагин.

– Вот тебе и «ну на...». Отвечайте по уставу, будьте так любезны, товарищ полковник!

Полковник Брагин был в гневе. На пике карьеры, когда всё только начинается, отправить боевого, заслуженного офицера на преподавательскую работу, где числятся только те, кто сами ничего не могут сделать?! Брагину хотелось рвать и метать, но он не рискнул рвать и метать в кабинете командира. Бывшего командира.

1.6.

В это самое солнечное утро, когда в Риге диверсант Томас Шишкинс получил новое задание, а в Москве полковника внешней разведки Брагина Пал Сергеича перевели на преподавательскую работу, здесь же, в Москве, в пятиместной палате трое пациентов ожидали утреннего обхода. И хотя каждый был занят своими делами, время от времени они переговаривались.

– Хорошо, давайте так, – начал Марсель, самый молодой пациент палаты, – вы оба покупаете у меня курс по минимальной цене, я вас коучу два месяца. Когда выходим по продажам на миллион, вы оба платите ещё по сотке. Так годится?

– Отстань, бизнесмен, – просто и беззлобно сказал Станислав, потомственный москвич во втором поколении.

– Подожди, вот ты кем хочешь быть? Хочешь быть миллионером? – прямо спросил Марсель.

– Я мильонер и есть, – признался Станислав, у которого было три квартиры в Москве: две он сдавал, а сам ютился в третьей, плохо приспособленной для проживания миллионеров.

– Хорошо. Леонтий, ты хочешь быть миллионером, как Станислав? – Марсель переключился на третьего пациента.

– У меня нет столько родственников, так что мне наследство не светит, – признался Леонтий.

– Давай я тебя научу, и ты заработаешь свои миллионы, – обрадовался Марсель.

– А чего ж ты сам не мильонер? – с иронией в голосе спросил Станислав.

– Как же не миллионер? Очень даже миллионер, – не вполне уверенно сказал Марсель и снова переключился на более беззащитного Леонтия. – Леонтий, покупаешь курс? Сейчас для тебя будет специальная цена и второй курс по продажам в подарок. Твой ход.

– Я бы не советовал, – сказал Станислав.

– Ну чего ты лезешь и мешаешь нам с Леонтием развиваться? Может, он, в отличие от тебя, хочет стать выдающейся личностью.

– Мы тут все в каком-то смысле выдающиеся, – сказал Станислав.

– Вот, а Леонтий хочет стать богатым и выдающимся. Не стой у нас на дороге! Да, Леонтий?

– Я не хочу продавать... – жалобно сказал Леонтий.

– И не надо. Тебе ничего не надо будет продавать. Они сами придут и сами купят. И даже просить тебя будут, чтобы ты им продал, – уверенно сказал Марсель. Настолько уверенно, что даже Станислав дрогнул и заинтересовался.

– Правда? – с надеждой в голосе спросил Леонтий.

– Стопроцентная гарантия. Я сейчас тебе номер карты скину, или по номеру телефона можешь перевести. Сегодня получится?

1.7.

Примерно в то же время в Риге Томас, пройдя парком Победы, потом через Каменный мост, потом мимо собора Святого Петра, мимо оперы и цирка, наконец, добрался до квартиры на улице Гертрудес, где предсказуемо и расчётливо проживал со своей девушкой Ингой.

Дойдя до дома, Томас развернулся и пошёл в сторону кафе на Блаумана. Ему было о чём подумать. Полковник Брагин. Да, враг, да, по ту сторону невидимого фронта, но – кумир. С самого начала своей карьеры деятельный Томас учился у Брагина и даже подражал ему в одежде, в манерах. Томас хотел выяснить любимый напиток Брагина, чтобы попробовать и полюбить то же, что и он; или по меньшей мере почувствовать себя немного Брагиным. Станиславский называл это «искусством переживания». Любимый напиток Брагина не удалось выяснить, и пока Томас условно считал, что это может быть водка. Неоригинально, но вполне правдоподобно.

Почерк Брагина был шикарен и узнаваем. Это не диверсии и покушения, это – спектакли, если так можно выразиться. Ни одной операции Брагин не реализовал тихо и незаметно. Он словно режиссёр и сценарист в одном лице: сначала создавал план операции, вовлекал в исполнение плана около десятка людей, значительная часть которых даже представить себе не могла, что помогает диверсанту. Кто-то приносил жертве открытку, кто-то в нужный момент ронял чашку кофе, кто-то отвлекал вопросом: «Как пройти к библиотеке?» У каждого была своя роль; каждый думал, что выполняет простую просьбу неприметного человека, черты лица которого магическим образом стираются из памяти. Были и такие исполнители, которые за свою роль получали 20 или даже 50 евро. Эти, как правило, ещё худшие свидетели. Бесплатные свидетели выдумывают показания, потому что толком ничего не помнят, а платные выдумывают целые изошрённые истории, чтобы отвести от себя и тень подозрений.

Томас зашёл в кафе, где бывал бессчётное количество раз. Агата, хозяйка кафе, она же официантка, уборщица, а если понадобится, и вышибала в одном лице, улыбнулась Томасу и быстро взглянула на столик у окна, за которым он любил посидеть. Столик, конечно, был свободен. А через мгновение со стола исчезла табличка «Бронь», будто её и не было.

– Мой железный человек, – Агата была рада его визиту и не смогла бы скрыть свою радость, даже если бы ей приказали.

– Добрый день, – ответил Томас, погружённый в свои мысли.

– Тяжелый день? – спросила Агата.

– Ничего.

– Как всегда? – спросила Агата, светясь от радости.

Томас кивнул. Отчего-то Томас не замечал, как Агата радуется ему. Сложно сказать: то ли это была его психологическая слепота, то ли Томас думал, что Агата, стремящаяся к собственному финансовому благополучию так улыбается всем и со всеми приветлива. То ли разница в возрасте: Агата видела в Томасе годного партнёра, а Томасу такая мысль и в голову не приходила, чем он безмерно огорчал Агату. Но она, как девушка мудрая, знала, что возможно всё. Даже невозможное. Невозможное таковым является только до определённого времени, а потом что-то происходит – и невозможное становится возможным, а если повезёт, то и неизбежным. Надо просто оказаться в нужном месте в нужное время.

– Презент от заведения, – сказала Агата и поставила на стол рюмку, если не сказать напёрсток, с бальзамом Кунце, чашку кофе и блюдо с многозначительными пряными печеньками в виде сердечек. Тупой, глухой, слепой болван – и тот бы догадался о чувствах Агаты, но лучший диверсант Управления был глух, слеп и слишком заморочен собой. Агата присела за столик. Она не могла бы этого сделать в роли официантки, но кто её остановит, если она владелица этого кафе?

– Поговори со мной, – сказала Агата, осмелев отчасти от вчерашних мыслей о красавчике Томасе и о том, сколько уже можно ждать, когда он прозреет и сам всё поймёт; и отчасти оттого, что сегодня на красивом и, можно сказать, благородном лице Томаса лица-то и не было, и Агата по-человечески сочувствовала Томасу.

Томас с надеждой взглянул на Агату. Может, и правда поговорить с ней? Поделиться проблемой. Обсудить, что ему делать, а потом убить и Агату. Нет, она молоденькая, милая, ей ещё жить и жить. «Найдёт себе парня, научит его варить кофе и гороховую кашу и проживёт с мужем долгую, спокойную, счастливую жизнь», – подумал Томас и не стал делиться своими мыслями.

– Поговори со мной, – видя нерешительность Томаса, повторила Агата.

– Поручили на работе одно дело, а мне не хочется его делать, – сказал Томас.

– Понимаю, – сказал Агата, мало понимая в частности, но прекрасно понимая в целом. – Работа – она такая. Отказаться нельзя?

– Не могу отказаться, надо делать. Кроме меня некому.

– Бремя незаменимости? – точно сформулировала проницательная Агата.

«Ещё немного – и придётся убить», – подумал Томас.

– Ты так переживаешь, словно в твоей власти отказаться или согласиться. Но ты сам говоришь, что выбора нет. Когда мне приходится делать то, от чего нельзя отказаться, я думаю: надо смириться и сделать. Хочешь, я расскажу тебе про беременность и роды? – предложила нерожавшая Агата.

Томас улыбнулся впервые за сегодняшний день. Может быть, даже впервые за несколько последних дней, которые прошли под знаком размолвки с Ингой. Томас подумал, что стоит заходить к Агате почаще. Здесь хорошо. Сдается, что ему здесь рады. А может, Агата просто прошла тренинг по сервису?

– Вот, уже улыбаешься, – удовлетворённо сказала Агата. – Если посидишь подольше и дождёшься караоке – вообще помрёшь со смеху.

– Завидная смерть, – профессионально отметил Томас и подумал: сможет ли он убить Брагина, рассмешив его? Было бы замечательно.

Агата увидела, что Томас снова погрузился в свои мысли.

– Смотри, про беременность и роды ты должен знать следующее, – начала Агата.

Томас жестом остановил её, показывая, что ему значительно лучше.

– Хочешь побыть один? – спросила Агата, изо всех сил желая, чтобы Томас сказал: «Нет, останься, любовь моя».

Томас кивнул. Тень разочарования скользнула по лицу Агаты, но ни один наблюдатель не смог бы заметить эту тень. Агата – девушка мудрая и умела владеть собой. Она давно бы завладела мечтами, мыслями, да и самой жизнью любого парня. Но, как на грех, именно тот, кто был ей мил, оставался неприступен. Что не так с ней? Что не так с ним? О чем он грезит?

Агата кивнула, легко встала и пошла по кафе, наводя порядок и общаясь с гостями.

Томас вернулся к своим мыслям. Он не может отказаться, потому что – присяга. Это работа, в конце концов! Думал Томас о том, чтобы подать в отставку, всё подходящий момент выбирал. Теперь выясняется, что в прошлом любой момент был подходящим. В настоящем и будущем такого момента уже не будет. Мог бы он сегодня утром подать рапорт об увольнении со службы? Мог бы. Почему не подал? Ждал. Ждал сигнала от Вселенной.

«Отказаться? Нет ни одного довода. Я должен это сделать. Как бы ни было тяжело – это долг, это работа. И уважая Брагина, признавая его гений и даже величие, дело должно быть сделано красиво. Жалко Брагина; но если это должно быть сделано, то лучше всего, если это сделаю я», – уговаривал себя Томас.

А вот потом – рапорт, увольнение и новая жизнь с чистого листа. Такое возможно в тридцать семь?

Томас не сомневался в успехе операции. Операция глубоко проработана Управлением. Они знают место жительства Брагина. Им известен его режим жизни и работы. Они знают его машину. Знают окружение. К тому же Томас – лучший диверсант и хороший ученик Брагина, хоть и заочник. Если честно, Томас считал себя лучшим учеником Брагина. Так что осталось придумать достойную пьесу и разыграть ее как по нотам.

1.8.

По больничному коридору бодро и уверенно шли две молодые женщины в белых халатах. Роза Наумовна Каплун – лечащий врач, за которой закреплены четыре палаты с девятнадцатой по двадцать вторую, и её помощница, медсестра и в ограниченном смысле подруга Тамара. В коридоре было тихо и безлюдно: до окончания утреннего обхода больным и выздоравливающим следовало находиться в палатах.

– Говорила тётя Фима: иди, Розочка, в ветеринары, – сказала Роза Наумовна, открывая дверь палаты.

– А Вы? – спросила Тамара.

– Я её так не любила, что назло отморозила уши, – закончила мысль доктор Каплун, входя в палату.

Следом в палату зашла Тамара, закрыла дверь и встала за спиной Розы Наумовны, приготовившись записывать в блокнот назначения и распоряжения доктора.

– Уже лучше? – спросила доктор, и пациенты загалдели о том, что им тут хорошо, что наружу они точно не хотят и что их и здесь неплохо кормят.

– Кто старший? – спросила Роза Наумовна, прекрасно зная ответ; но ведь следование традициям – тоже лекарство.

– Я, – сказал Станислав Владимирович, потомственный москвич.

– Докладывайте-докладывайте, Станислав Владимирович, как вы тут?

– В целом хорошо, но есть одна просьба.

– За просьбу потом. Потери есть?

– Нет, все живы-здоровы.

– Разве Вы доктор? Давайте я сама буду решать, все ли живы и все ли здоровы.

– А, ну да. Здоровых нету, – согласился Станислав.

– Тю, можно я всё-таки буду решать, есть тут здоровые или нету?

– Я запутался, – признался Станислав.

– Смотрите, он запутался и не знает. Это нормально. Продолжайте, Станислав, что Леонтий? – спросила доктор Каплун у Станислава, показывая на Леонтия.

– Бесконечно звонит жене и жалуется на Вас, Роза Наумовна, – доложил Станислав.

– Правда? Прямо-таки жалуется?

– Да; говорит, что Вы его совсем не лечите и что он обязательно помрёт здесь, но никак не может определиться, от какой конкретно болезни. Сейчас ему кажется, что это будет что-то связанное с заражением крови.

– Таки где он собирается заразить всю свою кровь, ой вэй? – спросила Каплун у Станислава, хотя Леонтий присутствовал здесь же, внимательно слушал и местами согласно кивал.

– Он грешит на Тамару, – сказал Станислав и, устыдившись сказанного, опустил глаза. – А можно просьбу?

– Нет, но обещаю, что не выйду из палаты, пока Вы не заморочите мне всю голову своей просьбой, Станислав Владимирович.

Доктор Каплун, а следом за ней и Тамара сделали пару шагов к кровати, на которой сидел и немного подпрыгивал Леонтий.

– Леонтий Андреевич, – начала доктор Каплун.

– Андрианович, – поправил доктора Леонтий.

– Естественно, – легко согласилась доктор, – говорят, Вы на что-то жалуетесь?

– Нет, – тихо сказал Леонтий.

– Жалуется-жалуется, а когда жена ложит трубку – он звонит маме. Жалуется и на Вас, и на жену, – выдал товарища Станислав.

– Надо говорить «кладёт» трубку, – поправил товарища Леонтий.

– Снимайте пижамку, кладите туловище на кровать, – примирительным тоном сказала Роза Наумовна. – Я Вас, мой дорогой, послушаю.

– Вы хотите, чтобы я пел? – спросил Леонтий.

– Упаси бог. Вы подышите и постучите сердечком, а я послушаю.

Роза Наумовна внимательно послушала тоны сердца Леонтия и осталась ими довольна. Продиктовала Тамаре назначения.

– Что со мной, доктор? – с тревогой в голосе спросил Леонтий.

– Вы идёте на поправку, и скоро мы Вас выпишем.

– Но я не хочу выписываться! – запротестовал Леонтий.

– Никто не хочет выписываться. Была бы моя воля, я бы сама тут ночевала, но ничего не поделаешь – инструкция Минздрава. Есть показания лечить – лечим. Нет показаний – выписываем.

Роза Наумовна миновала пустую кровать и перешла к кровати Марселя; у доктора была мода проводить обход против часовой стрелки.

– Как дела, мой дорогой?

– У меня тут одна схема родилась, Роза Наумовна. Хочу Вас пригласить в партнёры. Мне кажется, мы с Вами можем очень хорошо подняться. На мне – сбыт, на Вас – поставки. Как Вам?

– Пятнадцать лет кто сидеть будет?

– Ну, может, и обойдётся...

– Давай, задирай рубашку, послушаю. А будете, Марсель, мутные схемы в своей голове крутить – сниму штаны и навалю ремнём. И в истории болезни напишу, что регулярная порка для Вас прописана доктором.

Роза Наумовна послушала, как шумит организм Марселя, посмотрела ему в глаза и даже попросила высунуть язык; пока Марсель стоял с высунутым языком, она спросила Станислава: «Станислав Владимирович, Марсель снова продавал Вам свои бизнес-курсы?»

Станислав замялся.

– Ну же, говорите, а то лишу десерта!

– А нам был положен десерт? – очнулся Леонтий от своих мыслей.

– Ваш десерт, Леонтий, кушает Тамара. Видите, какая она довольная.

– А как же я? – спросил Леонтий.

– Обождите, Леонтий, со своими жалобами. Станислав!

– Нет, не продавал. Почему сразу продавал? – сказал Станислав и внезапно замолчал, сообразив, что сказал пару-тройку лишних слов.

– Так он Вас не только пытается обмануть, но ещё и угрожает? – Роза Наумовна посмотрела на Марселя и добавила. – Высуньте язык, больной. Дальше! Так держать, пока я не скажу, а то ещё шпатель суну до дна и то самое дно пощекочу.

Марсель поёжился, впрочем, не закрывая рта и не убирая языка.

– Нет, не угрожает, – смущаясь оттого, что вынужден врать доктору, сказал Станислав и отвёл глаза.

– Станислав, Вы, в отличие от нас с Тамарой, врать не умеете. Говорите быстро, заставляя Вас Марсель покупать курсы?!

– Просил, но мы пока думаем.

– Марсель, что Вы с высунутым языком стоите? Всасывайте его обратно. Значит, бизнес Вас не отпускает? Смотрите, у Минздрава на этот счёт простые инструкции.

– Роза Наумовна, что с моей просьбой? – подал голос Станислав.

– Уже излагайте Вашу просьбу.

– Мы соревнуемся с другими палатами. Подкиньте нам пациента поинтереснее. Мы всех обгоним. У меня формула. Желательно молодого. Вот как Марсель, только не из бизнеса. Нам этого хватает, – закончил Станислав и выжидательно посмотрел на доктора.

– Ничего не поняла, но хорошо, сделаю, как просите, – спокойно согласилась Роза Наумовна.

– Йес! – обрадовался Станислав.

– А другие палаты знают, что вы с ними соревнуетесь? – вдруг уточнила Роза Наумовна.

– Нет, мы решили, что сначала нам надо выйти вперёд, – сказал Станислав.

– Разумно, – согласилась доктор Каплун. – Марсель, закрывайте бизнес, а то я налоговую на Вас направлю. А если налоговая не пугает, тогда – трудовую инспекцию. Мы поняли друг друга?

1.9.

Томас вернулся в квартиру на Гертрюдес. Инга была дома.

– Ты рано, – поприветствовала Инга. Но Томасу показалось, что в её голосе звучал другой вопрос: «Может, наконец, тебя уволили или у тебя хватило ума уволиться самому?»

Инге нравился Томас, но не нравилась его работа. Точнее, ей не нравилась работа, про которую рассказывал Томас: покупка и продажа металлолома. Встречи, переговоры, торговля, грязь, пыль, Советы.

А Томасу, кроме всего прочего, требовался план расставания с Ингой. Её нужно как-то подготовить к этому, дать понять, послать сигналы. Она всё-таки не клиент, которому надо свернуть шею. Свернуть шею для Томаса – простая задача. Расстаться с девушкой, с которой зачем-то прожил четыре года – сложная. Почему в школе нет таких уроков? Теорема Пифагора есть, а тренинга по расставанию нет. Было бы недурно завести целый школьный предмет, скажем, «Психология жизни», а в выпускном классе пусть будет курс «Начать всё сначала и стать другим человеком, которым ты всегда хотел быть, но с первого раза не получилось». Но даже сам Томас понимал, что это невозможно. Невозможно длинное название для курса.

– Еду в командировку, – объяснил Томас своё неурочное появление в собственной квартире.

– В Москву?

– Да.

– Уже решил, что привезёшь в подарок?

– Балалайку.

Позже, сидя на кухне после ужина, Томас решил проговорить часть своей проблемы. Всё-таки Инга не чужой человек, а расстаться с ней Томас точно будет, когда вернётся после выполнения задания.

– Не хочется ехать, – сказал Томас.

– Мало заплатят? – предположила Инга.

– Да нет, как раз с оплатой всё в порядке. Заплатят много.

– Тогда не вижу проблемы, – убеждённо сказала Инга.

– Работа в этот раз... грязная, – сказал Томас уклончиво.

– Оплачиваемая работа не может быть грязной. Она может быть престижной или как у тебя. А высокооплачиваемая работа может быть даже непрестижной. Некоторое время, – высказала свою позицию Инга.

– Ты что угодно станешь делать за хорошие деньги? – спросил Томас миролюбиво.

– О какой сумме идет речь? – уточнила Инга.

– За какие деньги ты готова убить отца? – вдруг вспыхнул Томас; его снова вывела из себя бесконечная меркантильность Инги.

– Первый раз – бесплатно, – спокойно сказала Инга, уверенная в своём праве.

– Не всё можно измерить деньгами, – сказал Томас, желая закончить разговор.

– Да. Не всё. Но мы говорили о больших деньгах, – поправила Томаса Инга. – Что за грязная работа?

– Пара встреч и подготовка договора, – соврал Томас.

– Не хочешь – не говори, – сказала Инга, словно почувствовав ложь Томаса. – Ты вроде терпимо относишься к русским. И сам из них.

– Родители латыши. Ты же видела документы, – привычно ответил Томас.

– Тогда в чём дело? – спросила Инга.

– Не хочу с тобой расставаться, – соврал Томас.

– Не говори ерунды. Сколько заплатят?

Томас в очередной раз подумал, что надо расставаться с Ингой. Зачем она ему? Сделает дело, вернется в Ригу и выгонит к чертям.

– Будет зависеть от суммы контракта, который я подготовлю, – сказал Томас, подумал и неожиданно добавил. – А если я не вернусь, что будешь делать?

Инга удивлённо вскинула брови.

– Как – не вернёшься? А квартира?

– Ну вот, произойдёт несчастье – и не вернусь. Бывает же всякое. Особенно в Москве.

– Не пойму, тебе что-то угрожает?

– Нет, просто к примеру? Что станешь делать?

– С квартирой? – Инга не понимала, куда клонит Томас и что он от неё хочет услышать.

– Со своей жизнью? – уточнил Томас.

Томас много думал о своих отношениях с Ингой и каждый раз приходил к неутешительному выводу. В присутствии Инги он чувствует вину. Разве так и должно быть в супружеских отношениях? Вопрос даже не в том, есть ли объективная причина чувствовать вину. Томас не знал за собой ничего такого. Просто он не такой, каким его видит Инга, и лишь поэтому должен чувствовать себя виноватым. Но так и Инга не вполне вписывается в образ идеальной девушки. Хотя Томас, насколько мог отследить свои действия и слова, не обвинял Ингу в том, что она – не хозяйка медной горы из глубин его памяти.

1.10.

За следующие пару дней Томасу предстояло познакомиться с досье Брагина. Что чувствовал Томас, вводя пароль и открывая файлы досье? Как будто взрослый сын получил доступ к дневникам своего отца, в которых без прикрас отражено всё. Мир может рухнуть в один момент. Сейчас всё найдёт своё объяснение. Томас был уверен, что из материалов досье он поймёт, за что Брагин получил смертный приговор.

Томас думал, что готов ко всему. Пусть выяснится, что это Брагин убил Кеннеди и первым высадился на Луну. Вот пусть! Нет, не сходитя. Кеннеди убили за несколько месяцев до рождения Брагина. В день высадки на Луну Брагину исполнилось 6 лет. Хорошо, значит, все остальные заметные события и катаклизмы произошли при его участии. Такого мнения был Томас о Брагине; но то, что он узнал из первой страницы досье, повергло Томаса в шок и восхитило одновременно.

Если верить досье, Брагин запустил процесс уничтожения западной культуры, и теперь этот процесс не остановить. По крайней мере, пока никто не знает, как его остановить. Из документов, которые были перед глазами Томаса, следовало, что поразившую Запад культуру отмены (Cancel Culture) организовал Брагин и его команда. Да возможно ли, чтобы такую машину придумал и запустил один человек?!

Томас наполнился страхом и благоговением. Жаль, что придётся убить Брагина. Однако никто еще не причинял Западу вреда больше, чем культура отмены, выпущенная Брагиным на волю. И если его не убить, он придумает что-то ещё и окончательно, без бомб и выстрелов погубит прогнившую Западную цивилизацию. Да за это убить мало!

Как же Брагин умудрился запустить волну, которая сметает на своём пути такие глыбы, таких авторитетов? Политики, режиссёры, спортсмены, банкиры – никто не способен противостоять толпе, оседлавшей культуру отмены и испытывающей азарт от низвержения авторитетов. Какой тонкий расчёт и какое знание человекоподобной психологии! Власть над властью имущими – высшая награда и предельное наслаждение. Или ты уходишь с дороги, или культура отмены тебя отменит. Чёртов каток, запущенный Брагиным, работает чудовищно и безжалостно. Мёртвая зона там, где он прошёл. Режиссёра отменили. Потом оправдали. Признали, что обвинения были необоснованными. И что? Культура отмены не работает в обратную сторону. Брагин не предусмотрел отмену культуры отмены. Томас уверен, что план был именно таков: у культуры отмены нет задней скорости.

Коварный, чудовищный, убийственный план. Демон, выпущенный из бутылки. Знает ли сам Брагин, как взять под контроль, обуздать культуру отмены? Как людям, вкусившим элитной голубой крови, сказать: «Ну всё, поглумились и хватит, идите по норам»?

Брагин сделал ставку на пьянящее, дурманящее ощущение собственной правоты и правды, за которую ты бьёшься. К ногтю, вошь. К ответу! А то, что ты не бродяга с вокзала, а телезвезда – так это даже лучше. Распинать бродягу за разврат неинтересно. Другое дело – известный человек, который с экрана учил нас жить. Отменить знаменитого – это то, ради чего я жил и влачил своё существование. Моя минута счастья!

Чудовище этот Брагин, если смог придумать и реализовать такой план. Томас чувствовал себя не то что учеником – пылью под ногами такого колосса. Да как можно было додуматься и свернуть шею всей Западной цивилизации одним махом? Томас вспомнил, как пару дней назад на кухне с Ингой обсуждал новостной репортаж о том, что разрабатывается закон, по которому родители не в праве решать, какого пола у них ребенок. То есть даже не родители, а член семьи номер один и член семьи номер два теперь не вправе решать, кто у них родился. Может – мальчик, может, не мальчик. Может – девочка, а может, и не девочка. Может, сам решит. Может, помрёт, не определившись. А если люди, которые раньше, до активации Бра-

гиным культуры отмены, называли себя родителями, рискнут вмешаться в самоопределение их ребенка, если так можно его называть, то к ним будет применена культура отмены. Так что лучше заткнуться и подчиниться.

Чудовище этот Брагин. Один человек отменил целую цивилизацию. Если они не одумаются, то через некоторое время перестанут знакомиться и размножаться. Уже сейчас любое слово в адрес человекоподобного существа предположительно не твоего пола может быть расценено как домогательство – и всё, привет, тебя отменили. Надо проверить ленту новостей, может быть, уже нельзя смотреть на существа (так ещё можно говорить?), которые не являются тобой.

Ай да Брагин!

«Почему не я это придумал?» – сокрушался Томас.

Досье не содержало полную информацию о том, как происходила разработка проекта. Но по тем данным, которые смогли добыть аналитики, можно предположить, что Брагин сделал ставку на желании человека возвыситься. Возвыситься в первую очередь через свержение авторитетов. Брагин не породил это поведение. Оно всегда было с нами, когда мы свергали старшего самца стаи, вождя племени, бригадира, царя. Свергать, чтобы возвыситься, – часть «человеческой» природы со времён, когда предки прыгали по веткам. Хотя тогда мы не были вполне людьми, как, впрочем, и сейчас.

Брагин воспользовался двумя обстоятельствами, которые пришлись как нельзя кстати. Лживость, двуличие и показушность публичных персон. Никто не без греха; но человек не будет свергать того, кто ниже его в иерархии или сидит на одной с ним ветке. Какой смысл? Свергать надо того, кто сверху. А если авторитет построен на лжи, двойной морали, притворстве? То, как говорится, сам виноват.

Во времена интернета, когда каждый голос может быть услышан, ложь делает людей уязвимыми. Особенно тех, кто на тонких верхних ветках. Осталось только дать в руки людям снизу правильную дубинку. Что же может быть лучшим оружием против лжи? Ощущение своей правоты!

Быть правым. Разве не это выбирают люди? Разве не это они предпочитают? Быть правым или быть счастливым? Люди выбирают – быть правым. Это опьяняющее чувство торжества правого человека. Про себя никто не скажет: «Я предпочту умереть, но хочу быть правым». Нет, мы не настолько тупы, чтобы так говорить про себя открытым текстом. Но мы достаточно тупы, чтобы так жить. Сколько людей предпочли несчастье и потери, лишь бы быть правыми?

Томас читал досье, забывая дышать. Аналитики провели часы допросов и по крупицам составили некоторые части плана Брагина. Аналитики говорили с теми, с кем общался Брагин, и пытались понять мировоззрение, цели и инструменты диверсанта всех времён по косвенным данным. Читая досье, Томас понимал, что нельзя убивать Брагина. И не убивать тоже нельзя.

Брагин не действовал грубо и в лоб. Нет, он встречался со специально выбранной девушкой, знакомился и соблазнял её. Обычно на всё это у Брагина уходило от трёх минут до получаса в зависимости от девушки и предварительной проработки объекта. Соблазнял и добивался откровенности. Никто из собеседников Брагина даже не подозревал, что способен на такую откровенность с малознакомым человеком. Рано или поздно Брагин узнавал обиду, которую его собеседнице причинила та или иная публичная личность. Потом оставалось сделать малость: вручить собеседнице дубинку мести, а на дубинке заглавными буквами написано: «Ты в своём праве уничтожить эту мразь. Он должен ответить за всё. Ты здесь оскорблённая и обиженная, а он там, на сцене, весь такой правильный. Уничтожь его!»

Не весь этот текст, конечно, был на дубинке. Там помещалось только: «Ты в своём праве».

Судя по досье, Брагин и его агенты в невероятно откровенных личных беседах заносили людям в голову мысль, что они в своём праве уничтожить обидчика. А чего он такой счастливый и типа хороший? Весь в белом. Образец для подражания, понимаешь!

Брагин и его агенты работали с девушками, с парнями, с людьми самых разных оттенков кожи – со всеми.

Сработало не сразу.

Нужен был накопительный эффект. То там, то здесь в СМИ проскакивала новость о том, что правда и справедливость восторжествовали. Обиженный прихожанин какой-то там церкви отменил мэра города за то, что тот критиковал какого-то Бога. То, что Бога можно критиковать, само по себе удивительно; но то, что Богу до этого есть дело и Его надо защищать – вообще анекдот. Но анекдот или нет, а только мэр теперь ищет работу, а прихожанин торжествует. То тут, то там кто-то торжествует. И вот то тут, то там кто-то сначала шепчет, а потом уже кричит во весь голос: «Я тоже, я тоже хочу торжествовать!»

– Вливайся, – говорит Брагин всем желающим.

Одна девушка атаковала президента. Президент отбилась и устоял, хотя все-таки был уличён во лжи. Он устоял только по одной причине: культура отмены в тот момент еще не проникла в массы. Но Брагин был терпелив, как чёрт. Он знал, что демон на свободе и набирает силу. Нужен лишь первый толчок. Дальше толпа распробует голубую кровь свергнутой жертвы, и, не утолив своих обид, бросится искать следующую жертву. При этом члены этой кровожадной толпы будут намерено обнажать свои нервы, чтобы их легко задевало любое слово о Боге, о расе или о половой принадлежности. Сказал шутку? Не сомневайся, ты кого-то уже задел. Культура отмены громко дышит у тебя за спиной. Не страшно? Это только потому, что ты на нижней ветке и никому не интересно тебя свергать. Ну-ка, поднимись повыше.

Конкистадорам потребовалось тридцать лет для завоевания Америки. Брагин добился того же менее чем за десять лет, без стрельбы и атак. Ему понадобилось всего несколько агентов влияния, каждый из которых вольно или невольно, сознательно или бессознательно распространял заразу «Быть правым важнее всего на свете, и пусть виновные будут отменены».

Культурное влияние. Кто и как мог причинить больший вред?

Как ещё заставить политиков и общественных деятелей «фильтровать базар» и говорить такие слова, за которые тебя точно не отменят?

Началось движение «Нет ничего важнее, чем быть правым, и надо вышибить мозги всем, кто так не считает» с безобидных артистов и режиссёров. Теперь напуганы все. Читая Марка Твена у себя дома, человек на всякий случай пропускает, не проговаривает про себя слово «негр». Как бы чего не вышло. В кинотеатре, на сеансе фильмов Тарантино, когда с экрана звучит слово «нигер», нормальные люди смотрят вокруг с видом: «Ох уж этот Квентин! Вот лично я так не думаю. Прошу отметить в протоколах».

Кто и как мог подложить такую невидимую бомбу под культуру? Можно ли было сделать что-то более разрушительное? Теперь понятно, чем Брагин заслужил свой приговор. Надо убивать. Обязательно и непременно. Если не убить – он ещё что-то придумает. Брагин – гений. Даже его убийство не остановит культуру отмены.

Томас читал досье, терзаясь одной мыслью: знает ли сам Брагин, как загнать демона обратно в бутылку? Если ли у самого Брагина противоядие против желания толпы упиваться своей правотой и совершать бесконечные жертвоприношения, выбирая очередную цель из числа своей культурной и политической элит? Ну да, это была и не элита. Насквозь лживая. Но другая, более правдивая, точно ли появится? Прямо из беснующейся толпы?

Томас достаточно ощутимо чувствовал на себе культуру отмены. Инга выбросила книги русских классиков. Она даже не стала обсуждать это вопрос. Томас и сам должен был понять: если он предлагает Инге переехать к нему, то Достоевский и Чехов уезжают. Или Инга, или Достоевский. Томас не читал и не планировал читать Достоевского, но зная Ингу, теперь был уверен, что проиграл.

На работе Томас уже давно фильтрует слова так, чтобы не попасть под критику феминисток, веганов, христиан, любителей Гарри Поттера и не любителей оного. Безопасными оста-

лись всего несколько тем: белый мужчина без очков и пуза, мерзкое польское пиво, чёртова погода, дикие русские туристы. А ещё тормознутые эстонцы. Но это уже не точно.

Ай да Брагин. Если у него есть секрет, как отменить культуру отмены, но этот секрет уйдёт в могилу вместе с автором.

Досье на Брагина было объёмным. Томас просидел за изучением до самого вечера. У него есть ещё несколько дней – и в Москву, где его уже ждёт пара верных людей и помощь со стороны посольства. Ну как, помощь... Если что-то пойдёт не по плану, посольство скажет: «Знать ничего не знаем».

На допросе один из свидетелей вспомнил фразу Брагина: «Нет ничего проще, чем возглавить колонну людей с ущербной точкой зрения. Легализуй их мнение, и они вознесут тебя на престол, потому что благодаря тебе их точка зрения стала легальной. А значит, они оказались правыми. Быть правым как высшая ценность».

Надо запомнить, решил Томас.

Сотрудник, проводивший допрос, спросил свидетеля: «Говорил ли Брагин, как возглавить неущербных?» На что свидетель сказал, что не помнит такого разговора и уточнил: «А что, и такие есть?» И сотрудник сделал пометку о том, что лично он не уверен, можно ли вообще верить этому свидетелю.

1.11.

Завершив обход своих палат, Роза Наумовна в сопровождении медсестры Тамары зашла в ординаторскую отдохнуть и «попить кофейку». Кофейком Роза Наумовна называла любой горячий напиток, предпочитая для себя травяной чай.

Тамара же пила кофе. Она через край насыпала в свою чашку растворимый кофе, сыпнула туда же «на глаз» сахар. Добавила в чашку несколько капель кипятка, чайной ложкой растерла кофе с сахаром до однородной массы для получения пенки. Налила кипятка до половины бокала, удовлетворилась качеством пенки и села к столику, за которым уже пила свой чай доктор Каплун.

– Ой вэй, стала замечать, что ленюсь делать больше необходимого, – сказала доктор Каплун.

Тамара подняла глаза на доктора.

– Ты вместо того, чтобы просто бросить кофе и сахар, битый час колготишься с пенкой. Оно и ладно, если бы кофе стал натуральным, так нет же. Он как был растворимым, так им и остался, не при детях будет сказано.

– Мне было тринадцать, когда один парень научил меня так кофе заваривать.

– Первая любовь? – удивилась Роза Наумовна.

– Всё, что мне от Тимура осталось. Ещё рисунок, который он сделал, и афиша.

– Тимур? – спросила доктор Каплун; она знала, что так зовут сына Тамары.

Тамара кивнула и ничего не стала объяснять. Посидели молча.

– Моя первая головная боль случилась ещё в садике. Дело было так, – Роза Наумовна расположилась поудобнее. – Приехал на лето в наш двор мальчик. Очкарик Сёма. И приставили мне контролировать того Сёму, чтоб он, зараза шкодливая, со двора не свинтил, поц. Как я теперь понимаю, был он немного беспокойный. Дай Бог ему здоровья, если таки пережил пубертат. Шило у него в жопе было, как вон тот кактус. А жопка была маленькая. В первый же день это расстройство уговорило меня взять с кухни спички и поджечь в подвале мусор. Ладно бы только это. Когда нас поймали, Сёма предложил провести расследование и выяснить, на чьей кухне таки нет коробка спичек. Ну, и я пошла в угол, а Сёма кушать синенькие. Я же, дура малолетняя, пока стояла в углу и проклинала Сёму, так и не заметила, как влюбилась в него. Это чтобы потом отомстить, когда он в меня влюбится. Понимаешь уровень планирования? И скажи мне, Тома, разве эта ваша любовь не психическое расстройство?

Кряхтя не по возрасту, Роза Наумовна встала и прошла по кабинету, разминая плечи.

– Помяни моё слово: Бог простит наши грехи, а нервная система – никогда.

– И что делать-то?

– Забей! – предложила метод доктор Каплун.

– На что? – спросила Тамара.

– А вот это – правильный вопрос, – сказала Роза Наумовна.

Тамара встряхнула головой, чтобы освободиться от нахлынувших мыслей.

– Роза Наумовна, я хотела в отпуск отпроситься. Путёвка подвернулась за копейки. Старшая медсестра не против, если Вы согласитесь.

– Я подумаю. Займись процедурами. Иди, – Роза Наумовна потянулась к папке с историями болезни своих пациентов. – И начинай готовить праздничный номер. Придумай, как будем поздравлять заведующего. Стишок. Песня. Акробатический номер. Всё стодится, если я не буду участвовать в постановке. Если ему понравится наше поздравление – считай, что ты уже в шезлонге, а море волнуется лишь для тебя.

1.12.

В главной переговорке напротив друг друга сидели генеральный директор радиостанции «Покуда» Марина Отважина и главный акционер этой несчастной ФМ станции Болтов Гамлет Петрович. Источник денег рассматривал свой маникюр и, как ни старался найти в нем изъян, остался им доволен. Хотелось сделать что-то решительное. Дать отставку маникюрше было проще всего; но маникюр был безупречен.

– А зачем мы тогда делали бизнес-план? – спросил Гамлет Петрович собеседницу.

– Вы же сами просили бизнес-план, – удивилась Отважина.

– То есть ты решила, что у меня такая блажь: иметь бизнес-план перед тем, как пухнуть в небо деньгами?

Отважина повела плечами. Эта шутка про «пухнуть» ей и раньше не нравилась, а тут ещё и убытки третий квартал подряд.

– Что делать думаешь? – спросил Гамлет Петрович.

– Ставка была на серьёзные аналитические программы и серьёзную музыку, а наши люди хотят пошлость и попсу, – сказала Марина и развела руками.

– Разочаровалась в наших людях?

Марина была достаточно умной, чтобы не согласиться с этим утверждением.

– Так других у меня для тебя нет, – закончил мысль Гамлет Петрович.

Посидели молча. Болтов встал и начал расхаживать по переговорке.

– Понимаю так: ты снова ждёшь от меня денег и идей. Хотя было время, когда ты фонтанировала идеями и оптимизмом. Если я стану твоим костылём, ты никогда на ноги не встанешь.

Болтов взял с пола мягкий портфель из нежнейшей кожи краснокнижного животного.

– В последний раз радио получает от меня деньги. Или вы научитесь зарабатывать на рекламе, или наша никому не нужная радиостанция закрывается. Я понятно сформулировал свой новый бизнес-план?

Марина кивнула. Болтов вышел.

Марина взяла мобильный телефон и набрала секретаря.

– Лера, завтра в семь вечера общее собрание. Все диджеи, все руководители отделов. Если кто-то задаёт вопросы или говорит о своих делах – предлагай писать заявление на увольнение. Скажи, что у тебя уже есть бланки для таких заявлений с моей резолюцией «Уволить без отработки».

Марина закончила звонок и бросила телефон на стол.

В её мечтах радиостанция должна была вещать про всё хорошее и против всего плохого. Радио как объединяющая сила для светлых и добрых сил. Но публика хотела другого. Публика переключалась на другие станции. Туда, где было понятно, где было смешно, где обсуждали темы, на которые позже можно посплетничать с друзьями. Публика не желала быть умной, доброй, возвышенной. Чудесный бизнес-план рушился из-за слушателей, не желающих разбираться в колбасных обрезках.

1.13.

Станислав встал с кровати и стал прохаживаться по центральному проходу палаты от окон до входной двери. Палата была просторной; по словам уборщицы, раньше в ней стояло восемь кроватей, но потом вместе со всякими новациями количество кроватей уменьшили до пяти. Сами кровати поставили чуть шире, появились большие проходы, и пациентам стало гораздо комфортнее. У противоположной от окон стены размещались два умывальника, а в планах, как говорят, была даже душевая кабина. Пока же туалеты и душевые располагались в конце коридора справа. С другой стороны, наличие общих туалетов позволяло прогуляться, встретить новые лица и поговорить. А это – мало с чем сравнимое удовольствие при вынужденном и длительном нахождении в больнице. Медицинский персонал отделения не поощрял прогулки по общему коридору, но и не запрещал их.

Станислав прошёлся от окон до двери и обратно несколько раз; по нему было видно, что он собирается с мыслями и подбирает слова. Наконец, собрался и подобрал. Поскольку в момент окончательного подбора слов он оказался в центре палаты спиной к Марселю, Станислав развернулся на 180 градусов.

– Вот ты говоришь: «Богатство», – начал Станислав издалека.

– Я? Я молчу, – уверенно завил Марсель.

– Не прямо сейчас, а вообще. Ты говоришь, что надо быть богатым.

– Допустим. Хотя это неточная цитата, – почти согласился Марсель.

– А я тебе скажу, что ты находишься в плену иллюзий и даже не осознаёшь этого, – Станислав встал в позу памятника Ленину с вытянутой правой рукой и с указующим перстом, направленным прямо на Марсея.

– Матрица. Даже кино про это есть, – подтвердил Леонтий.

– Матрица – это фантастический фильм, а приводить фантастику в качестве аргумента – это безумие, – отбился Марсель.

– Позвольте! – сказал Станислав, всё ещё из позы памятника. – Мир, который ты видишь... Его нет!

Марсель ощупал постель, на которой сидел, подушку и тумбочку.

– Точно нет? – спросил Марсель.

Леонтий ощупал себя и свою постель.

– Я читал в одной умной и толстой книге, что мы не можем видеть, слышать и осязать этот мир, – сказал Станислав и наконец опустил руку.

– А что мы можем? – спросил Марсель, подготавливая плацдарм для наступления, так как заметил изъян в позиции сопалатника.

– Мозг, опираясь на сигналы нервных окончаний, формирует картину окружающего мира – отражает её.

Марсель выглядел сбитым с толку.

– Не понимаешь глубины проблемы? – догадался Станислав. – Если мозг придумывает реальность физическую, то можно только догадываться, что он вытворяет с реальностью психической.

Станислав сиял, кивал головой и смотрел то на Марсея, то на Леонтия, ожидая если не оаций, то понимания и согласия.

– Ну допустим, – сказал Марсель просто для того, чтобы продвинуться вперёд; может, потом станет понятнее. Такое за Станиславом и его философскими откровениями водилось.

– Да, предположим, что такое имеет место быть, – согласился Леонтий, чтобы не остаться в позорном одиночестве ничего не понявших.

– Ты говоришь: «Богатство – это хорошо», – вернулся Станислав к началу разговора.

Марсель кивнул.

– Откуда тебе знать, что такое «хорошо», если ты в плену у своего мозга и даже не знаешь, какого цвета твоя подушка, – наконец сформулировал проблему Станислав.

– Она не белая? – удивился Марсель, разглядывая и трогая белую подушку.

– Мы договорились называть этот цвет белым. Но какой он на самом деле, мы не знаем. Я минуту назад объяснил, что мы не видим ни подушку, ни её цвет. Мозг получает электрические импульсы из глаз, и, как видеокарта в компьютере, строит изображение. Между реальностью и нашим восприятием этой реальности находится преобразователь, который превращает электрические импульсы от нервных окончаний в представление о том, что это импульсы могут означать.

– А я всегда знал, что компьютер сделал по образцу мозга, – радостно заметил Леонтий.

– Да помолчи ты, – грубо прервал Станислав. Заметил, что был слишком груб, и добавил. – Извини, Леонтий, я мысль не закончил.

Леонтий показал жестом: «Нет проблем, понимаю».

– Марсель, было когда-нибудь в твоей жизни такое: идешь ты вечером, и тебе вдруг кажется, что ты видишь силуэт и даже узнаешь своего знакомого; потом подходишь ближе – а это просто тень. Или куст. Или просто другой человек. Было такое – спросил Станислав.

– Конечно было. С каждым такое бывает.

– Понимаешь, что это доказывает?

– Пока нет.

– Мозг получает первичные сигналы, создаёт по ним картинку мира и начинает реагировать на созданную им только что картинку как на реальность. Мозг воспринимает тень как знакомого человека, и начинается ответная реакция. Ну допустим, это твой враг. Тогда в кровь понеслись гормоны: они усиливают кровоток, повышают давление, учащают сердцебиение.

– Вот у меня сейчас так, – не ко времени заметил Леонтий, но Станислав просто отмахнулся.

– И что? – спросил Марсель.

– Как – что?! Как – что? Организм реагирует на созданную мозгом картинку так, как будто она и есть реальность. Только в случае с силуэтом ты это можешь заметить, а во всех остальных случаях этот диссонанс остаётся незамеченным. И мы думаем, что знаем, что происходит вокруг и что это для нас значит.

– И что? – повторил Марсель.

– Бесишь меня специально?

– Нет. Не пойму, к чему ты всё это.

– К тому, что никто не знает, что хорошо, а что плохо. Мы вообще в матрице может быть живём.

– Я же говорил! – напомнил Леонтий.

– Слышал, есть такие компьютерные программы... Игры, где человек управляет своим игроком.

– Аватаром, – подсказал Марсель.

– Я видел, – сказал Леонтий.

– Ага, аватаром, – согласился Станислав. – Человек управляет аватаром, но в игре есть персонажи, которыми управляет компьютер, и они действуют как бы разумно. Поднимают предметы, открывают двери, стреляют, попадают, убивают...

– Дальше, – предложил Марсель.

– У этих персонажей есть искусственный интеллект.

– Допустим, хотя формально это не совсем так.

– Для нашего разговора сгодится. Итак, есть персонажи с искусственным интеллект. Этот интеллект может со временем стать выдающимся искусственным интеллектом?

– Со временем, – согласился Марсель, а Леонтий кивнул.

– Согласен. Это хорошо. Теперь представь, что неодушевлённый игровой персонаж, обладающий выдающимся искусственным интеллектом, внутри игры создаёт сам, по своей воле, на своём компьютере, который тоже является частью игрового мира, свою компьютерную игру и населяет её персонажами, которых сам создал. Следишь за мыслью? В игре, которую создал человек, есть персонаж, обладающий искусственным интеллектом исходной игры, и этот персонаж создаёт свою игру со своими персонажами. Можешь такое представить?

– Могу. Это, конечно, нельзя реализовать сейчас, но лет через двадцать... – сказал Марсель.

– Хорошо. Со временем искусственно созданный и отсутствующий в объективной реальности персонаж игры второго порядка – так будем называть персонажа, которого создал персонаж игры первого порядка – создаёт свою игру, и там будут персонажи теперь уже третьего порядка. Следишь за мыслью?

– Я – нет, – признался Леонтий, но на это никто не обратил внимания.

–Твою дивизию! – что-то понял Марсель.

– Вооот. Я и говорю: откуда тебе знать, что хорошо, а что плохо? Откуда тебе знать, что вокруг и что есть объективная реальность? Откуда тебе знать, что ты не персонаж двадцатого порядка, для которого персонаж девятнадцатого порядка, породивший тебя и создавший для тебя мир, предусмотрел в твоей программе стремление к богатству? Просто потому, что персонаж игры девятнадцатого порядка хотел разнообразия и динамики в своей игре. Откуда тебе знать, как у персонажа девятнадцатого порядка течёт время?

Марсель подошёл к окну и глубоко задумался. Станислав с торжественным видом вернулся на свою постель, лёг и закрыл глаза.

– Так чем дело кончилось? – не понял Леонтий.

– Всё – игра, – не открывая глаз, сказал Станислав.

1.14.

За два дня Томас закончил изучать досье Брагина. Десятки успешных эпизодов, реализованных Брагиным или под его руководством. Любопытный факт: несколько лет назад Томас узнал, что Брагин практикует систему тактического боя. И он стал искать. Никто ничего не знал. Стало казаться, что всё это – очередная легенда. А потом Томасу попала ксерокопия общей тетради с рисунками и описаниями базовых ката тактического боя. Сначала он подумал, что это шутка. Не могут у ката смертельного вида борьбы быть такие смешные названия: «Стенька топит княжну», «Грозный тыкает палочкой в сына», «Монголы кивают на татар». Никому не говоря, Томас стал изучать ката и тренироваться в одиночестве, чтобы никто не засмеял. Через полгода тренировок он задумался о проверке приёмов в реальном бою. Будучи уверенным в себе и в изученных приёмах, Томас решил ввязаться в какую-нибудь драку.

Найти драку получилось в тот же вечер. Двое хулиганов против одного – это и в прежние дни было бы неравной схваткой. Система тактического боя в своей основе имеет постулат: «Закончи бой первым ударом, и тогда у противника не будет шанса ответить». Бой закончился после двух ударов. Даже ударами эти толчки было сложно назвать: Томас по одному разу толкнул каждого из хулиганов, и они рухнули как убитые. А вот если бы Томас ударил, а не толкнул, то хулиганы погибли бы.

С того дня Томас стал использовать техники тактического боя не только в тренировочных спаррингах, но изредка и на задании, когда дело доходило до рукопашного боя. На вопросы сослуживцев «Что это за удар?» Томас отвечал уклончиво или признавался, что рука соскользнула. Как же, соскользнёт она у него. Жди!

Из закрытого досье Брагина Томас узнал, что Брагин не только практикует технику тактического боя. Он ее автор! «И мне выпало его убить», – думал Томас. Этим можно было бы гордиться, если бы не было так грустно. Безвыходная ситуация. И теперь понятно, что ни при каких условиях нельзя допускать боя с Брагиным на близкой дистанции. Томас понимал: если он даст Брагину возможность ударить, то на этом его карьера и закончится.

Томас пришёл домой, не смог отвлечься от предстоящего дела и через некоторое время открыл на планшете особый альбом; усевшись в кресло, он стал читать заметки и рассматривать фотографии.

Послужной список Брагина был впечатляющим. Президент одной европейской страны влюбился в девушку, которая оказалась мальчиком с лейтенантскими погонами. Конфуз, конечно; но контракт на поставку необходимого стране Советов оборудования был подписан. Там, конечно, была любопытная предыстория. С чего бы это президенту так влюбиться? Месяц или около того любопытство президента распалось, пока пламя любви не вспыхнуло с неукротимой силой. Молодая девушка... Ну как – девушка... Она всеми в тот момент воспринималась как девушка. Значит, молодая девушка – начинающий блогер – начинает активно раскручивать свой ютуб-канал с политическим уклоном. Критикует одних политиков, отмечает мужественность и решимость других. Один такой мужественный и решительный не вынес груза возложенных на него комплиментов и сломался – пригласил блогершу на встречу. На встрече выяснились два обстоятельства: во-первых, она не такая; во-вторых, она обожает этого президента и буквально боготворит его. Оказалось, что президент стоит в центре её (его) мира и всё вокруг президента крутится. Жена лет пятнадцать не ставит президента в центр мира. Любовница так и не научилась ставить его в центр мира. А вот эта милая девушка... То есть, не девушка... В общем, умеет лейтенант ставить людей в центр мира. Тут у кого хочешь голова закружится, будь ты хоть президентом европейской страны.

Когда карты вскрылись, то президент, поразмыслив, понял: или он попадёт в жернова новой инквизиции – политики отмены – и станет всеобщим изгоем, или согласится подписать

контракт и объяснит это какими-нибудь национальными интересами. Обмануть своих G-партнёров несложно. Ты делаешь вид, что веришь им. Они, следуя правилам игры, делают вид, что верят тебе, и мировая политика куда-то движется. Всё нормально, пока все играют по правилам.

Лейтенанта нашёл, обучил и запустил в дело Брагин.

В другой раз была взятка. Момент передачи денег снимался сразу четырьмя камерами. Чёрт с ней, со взяткой; но при просмотре записи объект диверсии выглядел полным идиотом. Судя по всему, его пугало не то, что в нём узнают взяточника. Он боялся, что все узнают, какой он идиот. Идиот может быть политиком – это современная нормальность. Если идиоты есть среди нас, то идиоты и их интересы должны быть представлены в органах власти. Ничего, что законы станут идиотскими – это просто отражение текущего исторического момента. Потом, когда общество преодолеет этот этап, законы будут поправлены. А если не преодолеет, то значит, так и должно быть. Всё нормально, если политик – идиот; у них нет запрета на эту профессию. Но смешной идиот – это другое. Это – клоун, а общество, слава Богу, пока к этому не готово. Может, чуть позже.

Прежде чем создать план операции, Брагин изучал психологию объекта и всегда точно знал его слабые места. Знал лучше, чем сам объект. Вот какие страхи знает за собой обычный человек? Только те, которые накрывали его. Брагин знал, чего человек боялся, и знал, что его напугает. Брагин забирался в голову жертвы и там находил чудовищ. Нет причин тащить страшилище через границы, если страшилище уже есть в голове жертвы. Нужно только его активировать и выпустить на свободу. Привычный или известный страх пугает, но жертва знает, что с ним делать: страх-то известен. Брагин же находил тот ужас, который уже был внутри человека, но никогда ещё не проявлялся.

Томас знал все эти вырезки из газет и журналов наизусть. Он мог отличить почерк Брагина. Были происшествия, которые и полиция, и Управление считали несчастным случаем, но Томас был уверен – это дело рук Брагина. Отличительными чертами операций Брагина были: ставка на то, что жертвы заврались и от этого стали уязвимы. А заврались все. Решила жена бывшего президента пойти на выборы. То ли на жалось давила, то ли на феминизм. Томас предполагал, что это Брагин получил задание – и жена вернулась к мужу, а не в президентский кабинет. В тот раз была гипотеза, что её подставили, и в итоге решили, что подставили свои же. Конечно свои! Зачем Брагину совершать такое своими руками? С таким количеством идиотов, укушенных американской мечтой, достаточно связать личный успех и то, что требуется Брагину. Большинство людей настолько управляемы, что справляется и пропаганда. Некоторые, однако, остаются самостоятельными, и тогда уже нужен особый талант Брагина. Томас завидовал способности Брагина входить в доверие и управлять людьми. Учился, вникая в дела Брагина, про которые становилось ему известно. И вот, пришло время. «Наверное, шеф прав. Если выбора нет, то пусть это буду я», – думал Томас.

Ещё одна забавная деталь в почерке Брагина: он, вероятно, испытывал особое удовольствие бить врага его же оружием: толерантностью, современной охотой на ведьм, политикой отмены. Однажды он подставил лидера зелёного движения, просто опубликовав фотографию в соцсетях; конечно, не от своего имени. На лидера зелёного движения спустили всех собак. Был лидер – нет лидера. Был востребован – теперь от него отвернулась родная мать. Каждая цивилизация порождает удобные инструменты для уничтожения своих современников. Современная цивилизация сначала сделала ложь допустимой, потом – возможной, потом – приемлемой, потом – необходимой. Теперь время расплаты. Просто срываем маски, выпускаем зверя по имени «политика отмены» и ждём, наслаждаясь. Общество ждёт, когда ему принесут новую жертву и позволят почувствовать себя правым до корней волос.

Руки можно не то что не пачкать – можно даже не доставать из карманов.

Пришла с работы Инга. Ну как – с работы... Инга – режиссёрка. Томас не был уверен на все сто, но сама Инга настаивала. Сейчас она работала над авторским фильмом, который станет сенсацией и принесёт Инге приз известного фестиваля и всемирную славу. Томас в глубине души на это очень надеялся, но не верил, потому что не было ни одного признака приближающегося триумфа.

Будучи настоящей режиссёркой, Инга научилась выглядеть непривлекательно. Всё, что могло хоть как-то подчеркнуть её женственность и симпатичные черты лица, было стёрто, спрячано, а то и загублено. Высокая, но немного сутулящаяся, чтобы спрятать грудь, с красивыми, густыми, русыми волосами, но состриженными под мальчика: с чёлкой, не более сантиметра от корней волос и открывающей весь высокий лоб. Естественно, без миллиграмма косметики. В oversize рубище грязно-серого цвета и в армейских ботинках.

– Дома? – уточнила Инга очевидное.

– Ага. Как прошёл день?

– Отлично.

– Мне с тобой кое-что надо обсудить, – сказал Томас.

– Ну.

– Вот мне интересно. Тебя пригласили снять кино. И ты понимаешь, что если сделаешь работу хорошо, то пострадает близкий человек

– Мама?! – перебила Инга встревоженно.

– Нет, твоя первая учительница. Или твоя любимая учительница.

Инга понимающе кивнула.

– У тебя выбор: сделать своё дело и встать на одну ступеньку выше или спасти учителя.

– И в чём проблема?

– Что ты выберешь?

– А второй вариант какой?

– Отказаться от съёмок фильма и спасти любимого учителя, – напомнил Томас.

– П-ф-ф! Это тест какой-то? Придумай конфликт поэпичнее.

Для кого-то нет разницы между «Я пообещал» и «Я дал слово». Так вышло, что Томас различал эти действия. Пообещать он мог кому угодно и что угодно. Томас мог пообещать и тут же забыть про обещание; он никогда не чувствовал бы себя обязанным что-то делать. Если другому человеку от Томаса просто нужно было обещание – вот оно, держи, пользуйся. Можешь предъявить мне моё обещание, и тогда я буду думать, в моих ли интересах его исполнить. Томас оставался хозяином своего обещания. Сам мог пообещать и сам потом решал, исполнять ли обещанное.

С фразой «Я дал слово» дело обстояло сложнее. Томас давал слово только себе. Дело могло касаться других людей, но слово, что Томас будет себя вести определённым образом, он давал только самому себе. Томас мог пообещать маме не пить пива до Нового года и выпить бутылочку светлого уже через пять минут, когда мама отвернётся. Нет проблем. Но если Томас дал слово себе больше не прикасаться к этим пилюлям – его не надо было контролировать. Он к ним не прикаснётся.

И чёрт его дёрнул дать Инге слово «Я тебя не оставлю». Чего бы ему в тот момент не пообещать Инге вечную любовь, или что там еще обещают в таких случаях? Честно говоря, Томас не мог себя винить за это. Когда они познакомились, Инга была другой: весёлая, красивая, женственная. Потом она узнала, что феминистки оседлали волну. Одна вон даже чуть президентом одной известной страны не стала. Узнала Инга про власть феминизма, и её словно подменили в одну ночь.

Для Инги дилеммы нет: все решения продиктованы прагматизмом и целесообразностью. Включая творчество. Прежде чем снять свой фильм, она сначала выясняет повестку: о чём люди говорят, о чем хотят говорить и продолжают говорить. Чем безумнее их речи – тем лучше;

значит, там, в этой теме, есть публика и как следствие – деньги. Когда есть деньги, ты – хочешь не хочешь – прославишься, а вот потом уже можно будет подгрузить высокий смысл и идеалы.

Томас так и не смог присягнуть сволочной, по мнению Уильяма Джеймса, богине успеха. Инга считала, что истоки проблемы в месте рождения Томаса. Родился-то он в России, аж в Челябинске. Инга долго искала Челябинск на карте и нашла только тогда, когда отказалась от затеи: с фразой «Хорошо, пусть он будет где-то здесь» она ткнула пальцем точно в Че. Странно, что сама Инга не придала этому случаю никакого значения. Томас же считал, что бессознательное Инги давно нашло нужный город на карте, но сознание не желало признать, что такой город существует. Томас родился в Че в семье латышей. И только когда Томасу исполнилось 14 лет, он переехал с родителями в Ригу. В Челябинске он был чужой, потому что был «латышом»; в Латвии он не стал своим, потому что был «русским». Никому не нужный, не разделяющий всеобщее поклонение наживе и фальшивым ценностям.

– У нас есть что-нибудь сладкое к чаю? – спросил Томас у Инги.

– Сладкое вредно, – с упрёком в голосе сказала Инга.

Много лет Томаса преследует чувство, что он потерял что-то важное. Или у него это отобрали. Или выгнали откуда-то. Томас хотел бы вернуться назад и пережить свою жизнь.

Глава 2.

2.1.

Томас прилетел в Москву за пару дней до назначенной даты. Он изучил досье и решил построить такой план покушения, в котором жене Брагина отводилась роль слабого звена. Судя по наблюдениям, она была осторожна в контактах, мельком, но все же осматривала машину перед тем, как сесть в неё. Вероятно, начальную подготовку и инструктаж Брагин с ней провёл. Однако по характеру Алла Брагина была девушкой скорее смелой и бесшабашной; паранойей она точно не страдала. Это – первый плюс в пользу её кандидатуры и очевидный минус Брагину. Судя по всему, тут была замешена любовь, не иначе. Слишком уж не подходила по характеру Алла на роль жены диверсанта. Слишком заметная, слишком «открытая ко всему новому», как было написано в досье. Мог Брагин, зная о слабостях жены, предусмотреть защиту, подстраховаться? Всего не предусмотреть, а имея дело с таким противником, как Брагин, нужно действовать быстро. Если он каким-то немислимым образом узнает, что приговорён, то к нему будет не подобраться.

Томас был уверен, что Брагин узнаёт обо всех новых контактах жены. А если между встречей Томаса с Аллой Брагиной и взрывом у неё не будет времени рассказать о новом знакомом? Тогда план может сработать.

В Москве, чтобы не вызвать подозрений, Томас действовал по старой легенде. Он предприниматель, приехавший на переговоры; все его встречи пройдут в ресторане отеля, на виду. Потом он погуляет по Арбату, где-нибудь поужинает. Обычная скучная жизнь командировочного. Через три дня он с подписанными намерениями о сотрудничестве вернётся в Ригу; а если ему сильно повезёт, то еще и с докладом об успешно выполненном задании. С такими людьми, как Брагин, не обойтись без везения. Что бы там себе ни думали штабные офицеры, но не всё можно просчитать и спланировать. Какой-нибудь случайный прохожий может сломать весь план.

Рижский офис подготовился хорошо. Предприниматели, которые будут играть свои роли, искренне предполагают, что у них бизнес-встреча с менеджером латвийского вторчермета. Каким бы ни был допрос, предприниматели скажут: «Да, это был бизнес и ничего больше». На переговорах Томас достигнет предварительных соглашений, которые, впрочем, потом будут расторгнуты. А если управление посчитает, что для легенды нужно заключить сделку и даже реализовать её – сделка будет совершена. Бюджет операции позволяет.

В интервалах между встречами и появлениями перед камерами, которые день и ночь записывают происходящее на улицах, в переулках, в подъездах и лифтовых кабинах Москвы, Томас должен несколько раз исчезнуть. Сначала для того, чтобы в неприметной квартире в Южном Бутово взять оружие и всё, что ему потребуется для выполнения задания, и потом, примерно на три часа – для реализации самого мероприятия. Штаб подготовил легенду и на это время.

В доме Брагина Томас гарантировано попадёт в объективы камер наблюдения. Но промежуток времени между визитом, взрывом и обратным рейсом в Ригу будет таким, что спецслужбы не успеют отреагировать. Управление спланировало мероприятие и отход Томаса по минутам. Он совершает диверсию, садится в каршеринговую машину, арендованную на подставное лицо, едет в аэропорт и успеваает на рейс.

При этом была ненулевая вероятность того, что Томас сможет пройти мимо камер так, чтобы его не смогли опознать на записи. Он же как-никак лучший в Управлении и, может быть, второй после Брагина в своём ремесле.

За основу плана Томас взял одну из операций Брагина – такой своеобразный реверанс в сторону мастера. Однажды Брагину нужно было вывести из игры политика. Политик был осторожным и даже мнительным. Зная это обстоятельство, Брагин действовал через жену политика. Он завёл с ней роман; и это была самая простая часть плана. Используя связь с женой, Брагин получил возможность проникать в дом политика и оставлять там «знаки», от которых в итоге политик форменно двинулся. Никакой магии: достаточно знать прошлое человека, его страхи и то, что вызывает у него чувство вины. Через ворота под названием «вина́» в голову человека можно протащить всё, что тебе захочется.

Брагин узнал, что у политика есть внебрачная дочь и связанное с этим чувство вины, – вот и хорошо. В доме политика незаметно для него самого стали появляться напоминания о тайном ребенке. Дальше мнительность и параноидальность характера сделали своё дело. Политик решил лечь в клинику для восстановления душевного равновесия, а переговоры продолжились и успешно завершились уже без него. Брагин получил очередной орден.

А что жена политика? Как же она была рада, когда безумный роман, вскруживший ей голову, внезапно и тихо прекратился по причине полного исчезновения красавчика капитана круизного лайнера, каким представился Брагин.

Проанализировав досье и всю оперативную информацию, Томас решил действовать через жену Брагина. Иначе к объекту было не подобраться. График у Брагина непредсказуемый. Машину подкараулить сложно. Паркуется Брагин в подземном охраняемом гараже. По магазинам и в кино не ходит. В публичных местах бывает непредсказуемо. Да, 9 мая он будет на Красной площади; но никто не даст Томасу столько времени на проведение операции. Да и совершить диверсию на Красной площади 9 мая, мягко говоря, невозможно.

Остаётся только жена. Её биография была изучена Томасом очень внимательно. Яркая, демонстративная, любит внимание и ищет его. Удобная петелька, чтобы зацепиться. К счастью для Томаса, Алла хочет быть певицей и актрисой и даже делает первые шаги в этом направлении. Правда, использует для этого псевдоним и снимается с таких ракурсов, что можно посмотреть клип, а потом тут же увидеть ее в реальности и не узнать. Любит жену Брагин, если такое разрешает.

Не может быть, что такой профессионал, как Брагин, не понимает, что с ним постараются расквитаться после того, что он сделал с культурными как бы ценностями Запада, фактически уничтожив все нравственные ориентиры. Такой разрухи, которую устроила созданная Брагиным культура отмены, никто не простит. И вот Томас в Москве. Томас понимал, что о результатах покушения узнают в самом высоком кабинете самой большой башни, на каком бы континенте она не находилась – а хоть бы даже и за океаном. Для себя Томас определился: после завершения этого дела он возвращается в Ригу, подаёт в отставку, выгоняет Ингу и начинает всё с начала, чтобы это ни значило.

Томасу известно: жена Брагина регулярно посещает фитнес клуб, расположенный на четвёртом этаже торгового центра недалеко от их дома. Она может оставить машину на крытой парковке, и это усложнит проведение первой части операции, хотя в целом не мешает ему. План простой: Томас выводит автомобиль Аллы из строя, предлагает Алле помощь, она садится к нему в машину, Томас её соблазняет и оказывается в квартире Брагиных. Томасу даже не нужно несколько раз посещать эту квартиру. Хватит одного визита. Бомбу помощники приготовили.

Вывести машину Аллы из строя удобнее и безопаснее на открытой парковке возле торгового центра. Чтобы Алла предпочла открытую стоянку, два агента, приставленных для реализации плана, блокируют проезд в крытый паркинг прямо перед машиной Аллы; тогда она скорее повернёт на открытую парковку, чем станет ждать, когда два дебила, умудрившиеся стукнуться бамперами перед въездом в крытый паркинг, оформят европротоколы.

Если Алла оставит машину на открытой полупустой парковке, то она будет практически обречена сыграть свою партию по нотам, которые написал Томас. Сможет ли Томас соблазнить Аллу? Вопрос поставлен неверно. Как быстро он это сделает?

2.2.

В палате номер 22 кипят страсти, и всё по вине Станислава. Вот нравится человеку читать лекции об устройстве мира. Что тут поделаешь?

– Однако это ничто в сравнении с вечностью, – продолжил свою тираду Станислав, прохаживаясь по проходу между рядами кроватей. Присутствующие внимали. – Нам с вами не повезло с наследственностью. Звери были наши предки – не дай Бог никому. Съели всех неандертальцев.

– Не факт, – сказал Марсель.

– Съели-съели. И твои конкретно предки съели побольше моих. Видишь, какие у тебя развитые жевательные мышцы, – сказал Станислав, и Марсель отвернулся к окну, борясь с желанием что-то сказать и в то же время нежеланием подвергать нападкам своих пусть и далёких, но предков.

– Но зачем было Богу порождать такого зверя, спрашиваю я вас; и понимая, что вы скажете чушь, отвечу сам. Всё может Бог, но одного не может. Чего?

В палате стояла тревожная тишина. Не так-то и хочется узнавать слабости Бога. Но и не узнать теперь уже было нельзя.

– Не может Бог сотворить себе собеседника! Потому как сделай он собеседника по образу своему и подобию, то будет сам с собой разговаривать. Так и я могу. Разве это годный собеседник? Значит, нужен кто-то, кто породит собеседника. Так сказать, промежуточное звено. Поскольку у Бога времени много, то он создал условия, когда один из зверей получает разум, потом укрощает зверя внутри себя, потом создаёт искусственный интеллект, а потом искусственный интеллект становится достойным собеседником Бога. И вот тогда Бог вместе с искусственным интеллектom будут решать, что делать с человечеством.

Пациенты палаты номер 22 были ошарашены этой новостью: искусственный интеллект всё-таки погубит разумную жизнь, как и предсказывалось во многих фантастических фильмах.

– Да-да, я в кино видел такое: искусственный интеллект, роботы и – конец человечеству, – подтвердил Леонтий гипотезу Станислава.

Только Станислав не нуждался в поддержке, тем более со стороны Леонтия.

– Какой фильм?! – сказал Станислав разгорячённо, – я ему про жизнь, про наше будущее и прошлое, а он про кино. Ты хоть понимаешь, про что я тебе повествую?

Станислав заметил, что говорит слишком громко и эмоционально, взял себя в руки и сделал примирительный жест в сторону Леонтия.

– Леонтий, дорогой мой, понимаешь, что делает наша цивилизация последние десять, а может, и все сорок десятков тысяч лет?

– Я – нет, не понимаю, – подал голос Леонтий.

– Текущая задача нашей цивилизации – взять зверя под контроль, – сказал Станислав и торжествующе сложил руки на груди.

– Дьявола? – громким шёпотом спросил Леонтий.

– Нет, ну какого дьявола?! Зверя. Ты хоть помнишь, о чём мы говорим? Или каждый день мне заново начинать? Человек – это животное. Мы относимся к животному царству. Тип – хордовые. Подтип – позвоночные.

– Подтип! – рассмеялся Марсель. Ему показались слова «тип» и «подтип» смешными.

– Спроси у Каплун, – сказал Станислав и продолжил. – Подтип – позвоночные. Класс – млекопитающие. Отряд – приматы. Подотряд – человекоподобные.

Леонтий согласно закивал и посмотрел по сторонам в поисках согласия.

– Семейство – гоминиды. Род – человек. Вид – человек разумный, хомо сапиенс. Хотя последний пункт лично я ставлю под сомнение.

– Что такое «гоминиды»? – спросил Леонтий.

– Чёрт его знает, – признался Станислав, – я тебе про другое толкую, ты главную мысль отслеживай. Человек – животное, понимаешь? Настолько животное, что вот его предки, – Станислав снова стоял в центре палаты в позе Ленина и обличительно показывал на Марселя, – сожрали на ужин всех неандертальцев.

– Твои не отставали, насколько я помню, – парировал Марсель.

Станислав сделал примирительный жест теперь в сторону Марселя и, пытаясь успокоиться, продолжил говорить о главном.

– Леонтий, пойми. Мы животные. Я тебе только что описал наше место в животном мире. От животных у нас всё, кроме развитого сознания, способности смеяться над глупыми шутками и речи, содержащей деепричастные обороты и наречия. Заметь: можно предположить, что речь, состоящая из существительных, глаголов и прилагательных, есть даже у птиц. У птиц! – снова повышая тон, закончил Станислав.

Станислав сел на кровать и начал на ней раскачиваться.

В палату вошла Тамара, быстро осмотрелась.

– Как дела, мальчики? – спросила Тамара. Все в палате, кроме Марселя, были старше Тамары, но разве можно было поставить такое обращение в упрёк? Может быть, из уст кого-то другого «мальчики» могло бы звучать унижительно или неподобающе, но Тамаре можно было всё.

– Станислав считает, что мы все – животные, – сказал Леонтий.

– Да, мужчины – те ещё животные, – легко согласилась Тамара.

– Он настаивает, что и женщины тоже, – сказал Леонтий.

– Правда? – улыбаясь, Тамара подошла к Станиславу, сидящему на кровати, и протянула пилюли. – Господи, с какими же женщинами Вас, Станислав, сводила судьба? Страшно представить.

– Мы в более общем, философском смысле говорили, – попытался оправдаться Станислав.

– Ах это, – что-то поняла Тамара. – Это тот самый общеизвестный формат мужского разговора на глобальные темы. Тогда понятно.

– Ещё он сказал, что мы все – гоминиды, – закончил Леонтий и успокоился.

– Даже так, – сказала Тамара.

– А Вы не знаете, что такое «гоминиды»? – спросил Леонтий, и стало понятно, зачем он начал этот разговор.

– А Вы у Станислава спрашивали? – спросила Тамара.

– Да.

– И что он сказал?

– Он не знает.

– Хм, и всё равно считает нас всех гоминидами?

– В том-то и дело! Разве это возможно?

– Совершенно возмутительно, – согласилась Тамара и протянула пилюли Леонтию.

Свою порцию лекарств получил и Марсель. Со словами: «Не забывайте про отдых и сон», – Тамара вышла из палаты. Тишина продолжалась дольше минуты, пока Леонтий, наконец, не выдержал: «И ничего я не гоминида!»

– Все, значит, гоминиды, а ты – нет? – спросил Станислав.

– А я – нет, – твердо стоял на своём Леонтий.

2.3.

За день до покушения Томас снова встретился со своими помощниками. Томас не знал, кто, когда и как завербовал этих людей. Задавать такие вопросы было не принято. Всё, что нужно, они сделают, и кто-то с ними потом расплатится. Одного помощника, который был постарше, звали Олег. Второго – Радик. Конечно, это ненастоящие имена. К Томасу они обращались «шеф».

Встреча происходила на явочной квартире. Эту квартиру Управление сняло в аренду у пенсионерки Зои Александровны. Через два дня договор аренды под благовидным предлогом будет расторгнут. Пенсионерка оставит себе залог и тоже будет довольна.

На кухонном столе лежали тетрадные листки, изрисованные схемами: парковка перед торговым центром, двор дома, в котором проживает Брагин, расположение комнат в его квартире.

– Всё понятно? – спросил Томас помощников.

– Всё, – ответили оба.

Томасу бы переспросить, проверить... Но необъяснимым образом ему было лень. Он подумал, что проведённого инструктажа вполне достаточно. Если бы командир увидел сейчас Томаса, то подумал, что его лучшего диверсанта подменили: настолько он был безразличен, беспечен и самонадеян. А дело между тем предстояло сложнее: покушение на лучшего диверсанта современности.

– Вопросы? – по инерции спросил Томас.

– Что про меня говорят в Управлении? Скоро сделают вызов? Мне уже осточертело здесь, – сказал Олег.

У Томаса не было никаких инструкций на этот счет. Он не знал, о каких договорённостях идёт речь, но бессознательно понял, что Олег думает не о задании и своей роли, а о том, когда его передислоцируют в Латвию или куда он там собрался. Это плохой признак. Если диверсант не сконцентрирован на задаче, если он думает не только о своей роли, то может допустить ошибку. Даже не так: отсутствие полной, абсолютной концентрации на задании гарантирует ошибку. Вопрос только в том, будет ли это одна ошибка или много и будет ли среди них фатальная.

Даже о том, что его помощник не сконцентрирован на задании, Томас подумал как бы мимоходом, на задворках сознания. Похоже, и сам Томас был не полностью сконцентрирован на этом опасном задании. Он полагался на опыт и, как бы это странно не звучало для латышского диверсанта, на русское авось. Всё-таки культурный код закладывается в раннем детстве, а значит, его код был заложен в рабочих районах Че. Другая причина такой отвлечённости не осознавалась даже самим Томасом: в глубине души он уже написал рапорт об увольнении и действовал словно по инерции. Честно говоря, и это Томас мог осознать: он не хотел убивать Брагина. Должен? Да, должен. Убьёт? Да, убьёт. Хочет? Нет. Не хочет.

– Он этого задания многое будет зависеть, – сказал Томас скорее на автомате.

Олег понимающе кивнул.

– Про меня напишешь в отчёте? – спросил Радик и как-то слишком подобострастно посмотрел на Томаса.

Тоже думает о своём: о карьере или о том, как бы ему занять место Олега.

– Напишу, только ты уж постарайся, чтобы это был положительный отзыв, – сказал Томас.

– У тебя свой дом в Риге? – спросил Радик.

– Зачем тебе это? – ответил вопросом Томас, показав, что подельник входит на опасную территорию.

Радик повёл плечами и опустил глаза, дав понять, что спросил просто так, для поддержания разговора.

– Кто цель? – спросил Олег.

– Враг, – спокойно сказал Томас.

– Это понятно. Что мы про него должны знать, чтобы всё хорошо прошло? – уточнил свой интерес Олег.

– Вы уже всё знаете. С объектом вы не увидите и не пересечётесь. Ваша задача – помочь с его женой. Не вздумайте проявлять самостоятельность.

– А ты точно хочешь его убить? – спросил Олег.

Томас поднял глаза на помощника.

– Просто ты так говоришь и выглядишь, словно ты не хочешь его убивать, – сказал Олег.

– Ты нормальный? – взглянул на него Томас.

В мгновение ока он представил, как расправляется со своими помощниками. Олег сидит напротив – его гортань открыта для единственного удара. Радик успеет подняться со стула и успеет удивиться, но не успеет защититься.

Опытный Олег верно прочитал мысли Томаса и подтянул плечо, чтобы им можно было защититься. Томас, в свою очередь, понял мысли Олега. Улыбнулся – и передумал убивать помощников. В основном потому, что у Томаса был план, реализовать который желательно с двумя помощниками. Однако надо иметь в виду, что Олег в своём отчёте опишет этот инцидент. Как понял, так и опишет. Донос осложнил бы жизнь Томаса, не реши он, что это дело будет последним. Томас подаст в отставку. Впереди новая жизнь. Возможно, чуть более счастливая.

На всё это ушла секунда или две.

– Повторим задачи, – приказал Томас, и Олег начал перечислять, что и во сколько он должен сделать. За ним без ошибок отчитался Радик.

Томас одобрительно кивнул, зная, что, как только он выйдет из квартиры, Олег расскажет Радика о своих подозрениях и о том, что мгновение назад жизни Радика и самого Олега висели на волоске.

Томас вышел из квартиры первым, напоследок ещё раз убедившись в том, что завтрашний день Олег и Радик знают по минутам и что мобильный телефон, с которого будет арендован каршеринговый автомобиль, уже передали Олегу. Хорошо, что Олег не взял этот телефон с собой, а припрятал его возле будки охранника гаражного кооператива в двух кварталах от своего дома. «Кажется, всё готово», – подумал Томас, но не был в этом уверен до конца, как это бывало раньше.

Томас уже приехал к гостинице, когда понял, какую ошибку он допустил: у него просто начисто вышибло из памяти проинструктировать подельников о том, что они должны подстраховать его возле дома Брагина. План был такой: Томас усаживает Аллу в свою машину, везёт до ее дома и соблазняет; они вместе заходят в квартиру, Томас оставляет бомбу и выходит. Но на то время, когда Томас будет в квартире, кто-то должен присмотреть за двором и подъездом. А если Брагин внезапно вернётся? Вероятность невысока. Как говорят наблюдатели, он не возвращается с работы в первой половине дня.

«Возвращаться на квартиру? – думал Томас. – Вызывать снова помощников? Они поймут, что я не в форме, и доложат начальству. Обязаны доложить и доложат. Скорее даже так: хотят доложить и доложат о том, что я некачественно провёл инструктаж и не готов к выполнению задания. Вероятность того, что Брагин заявится домой до обеда, ничтожна. Буду действовать один».

2.4.

Наступил день операции. Томас заранее приехал на парковку перед торговым центром. В ожидаемое время позвонил Радик и доложил, что Алла выезжает из дома. Оставалось надеяться, что её планы не изменились и через пятнадцать минут она будет здесь.

Радик поддал газу. Его задача была простой: опередить Аллу на пару минут и симитировать небольшое ДТП на въезде в закрытый паркинг. Всё шло по плану. Алла видела момент ДТП, и поэтому у неё в принципе не могло возникнуть подозрений в том, что авария подстроена. Алла ругнулась и повернула направо на открытую парковку, где её ждал Томас. Алла уже не видела, как машины, перегородившие въезд в закрытый паркинг, разъехались сразу же, как только выполнили свою миссию.

И Томас понял, что сможет обмануть Аллу. Она подготовлена, но не для встречи с ним. Обычный человек, увидев незначительное ДТП, подумает: «Вот балбесы!». Но он не подумает, что на самом деле уже находится в партере и перед ним разыгрывают представление. Брагин определил бы сразу, что стал объектом разработки, но Алла повелась. Хорошо.

Алла припарковала свою малиновую Мазду на первое свободное место, вышла из машины, осмотрелась, но формально. Взгляд не цепкий, не ищет подвохов. Неужели Брагин не провёл воспитательную работу? Алла посмотрела по сторонам, не обратила никакого внимания на каршеринговую машину в тридцати метрах от себя. Брагин заметил бы и машину, и то, что водитель внутри нее внимательно следит за происходящим вокруг.

Минут через десять, когда освободилось место напротив малиновой Мазды, каршеринговая Шкода переместилась на освободившееся место, и из машины вышел Томас с небольшим свёртком в руках.

Не глядя по сторонам, Томас подошёл к Мазде, достал прибор, похожий на брелок, и одним движением отключил сигнализацию. Коды сигнализации были предварительно считаны Радиком, и теперь достаточно было лишь нажать на кнопку. Томас надел тонкие перчатки телесного цвета, открыл дверь и сел в машину Аллы.

Даже если бы кто-нибудь наблюдал за Томасом, то просто подумал бы: «Владелец открыл свой автомобиль и сел в него». Но свидетелей и так не было. Томас знал это потому, что два человека прикрывали его и сообщили, если бы заметили слежку или если бы Алла раньше времени решила вернуться к машине.

Томас наклонился и что-то положил под водительское сидение. Открыл бардачок и положил туда второй свёрток. Даже не свёрток, а пакет, в котором, судя по всему, было грамм сто какой-то жидкости. Вставил в прикуриватель какой-то прибор и переключил на нём клавишу. На приборе зажёгся оранжевый индикатор. Томас ровно сел на водительском сидении, осмотрелся, проверил, всё ли он сделал. Убедившись, что работа сделана, Томас рефлекторно протёр руль, хотя в этом не было необходимости, и вышел из машины. Сигналов тревоги от подручных не было, а значит, никто не смотрит на Томаса и Алла занимается спортом. Томас нажал на брелоке центральный замок, и пимпочка на водительской двери опустилась.

Не глядя по сторонам, спокойно и уверенно Томас пересёк проезд между рядами парковки и сел в свою каршеринговую Шкоду. Он принялся ждать, глядя прямо перед собой. Ждать пришлось долго, но наконец прозвучал длинный, а потом короткий сигнал машины Радика, стоявшей ближе к торговому центру, что означало: Алла идёт одна по направлению к своей машине. Готовность номер 1. Когда Алла подойдёт к своей Мазде, Олег переключит проезд с одной стороны, Радик – с другой; они минимизируют возможные помехи, пока Томас будет устанавливать контакт с Аллой. Таков, по крайней мере, план.

Вот и Алла. Судя по пакетам, после спортзала Алла прошлась по магазинам. В руках – три пакета: один такой объёмный, что можно предположить, что в нём либо шуба, либо одеяло, либо огромная пуховая подушка, какая была у родителей, когда Томас ещё жил в Че.

Алла подошла к Мазде, достала ключ, нажала на нём кнопку «открыть». Центральный замок щёлкнул, двери открылись. Сигнализация не пикнула, и Томас видел, что Алла это заметила. Значит, Брагин всё-таки тренировал жену замечать моменты, когда что-то идёт не так. Что она стает делать сейчас? Что если Брагин дал ей инструкцию сразу звонить ему и уточнять дальнейшие шаги?

Томас заметил, что Алла на секунду замешкалась. Сядет ли она в машину? Позвонит ли мужу? Но для этого она должна не только заметить, но и осознать необычное поведение машины. Осознает ли? Насторожится? Изменит ли свои планы? Если бы с ней был Брагин, то он, без сомнения, уже предпринял бы защитные меры, предположив, что с машиной кто-то поработал.

Томас посмотрел налево, потом направо. Помощники уже перекрыли проезд. Томас был уверен, что никто и ничто не сдвинет с места две эти машины в ближайшие пять минут; только если Томас даст установленный сигнал.

Ну же, не думай! Не надо ничего осознавать! Просто садись в машину и заводи ее.

Алла посмотрела по сторонам и заметила Томаса в машине напротив. Пока она еще не придавала значения тому, что слева и справа проезды заблокированы. Обе машины сообщников неуклюже маневрируют, не стоят на месте, поэтому впечатление западни не создается.

На лице у Аллы появилось выражение презрения. Томас умел читать выражения лиц. Презрение? В чём дело? Она подозревает, что я что-то сделал с её машиной? Не может быть. Причина «презрительного» выражения лица Аллы была в другом: «Сидит себе в своей машине, видит, что девушка тут корячится с сумками, нет бы помочь!» Не дождавшись помощи от Томаса и ещё раз взглянув на него, на этот раз – уничижительно, Алла закинула самую большую сумку на капот, зажала две другие между ног и открыла водительскую дверь. После этого торжествующе посмотрела на Томаса. Отлично! Контакт установлен. Теперь Томас не относится к категории «незнакомый мужчина».

Томас изобразил восхищенное удивление на своём лице: «Ого!» Алла ответила ему выражением лица: «Вот так вот».

Алла уложила все сумки на заднее сиденье, аккуратно продвигаясь мимо стоявшей рядом грязной машины; на лице у неё отражалась брезгливость. Пока всё шло по плану. Досье было подготовлено качественно: именно такой её характер учитывался в разработанном плане «А». Это позволяло Томасу надеяться, что соблазнение не займёт много времени, и уже через тридцать минут он окажется в супружеской спальне Брагина.

Алла села за руль. Она хотела посмотреть на Томаса, но удержала себя, потому что такая девушка, как она, должна взглянуть только раз напоследок: «Прощай навсегда!» Алла завела машину и посмотрела направо, в ту сторону, куда ей было удобнее выезжать. Там какой-то чайник перегородил проезд; стоял, подбоченившись, возле своей машины и смотрел то на свой капот, то на капот другой припаркованной машины. «Дебилы!» – отразилось на лице Аллы, и она собралась посмотреть налево; но не успела этого сделать, потому что Томас нажал на кнопку своего пульта.

В салоне Мазды раздался хлопок, и салон мгновенно заполнился чёрным, липким, удушливым дымом. Теряя, как ей показалось, сознание, Алла увидела, что из машины напротив выскочил симпатичный блондин и бросился к ней.

Ну что ж, Томас действительно выскочил и бросился на помощь. Первым делом он достал пакет из-под водительского сидения и отбросил его далеко в сторону. Потом достал пакет из бардачка и бросил под машину рядом. Пакет от удара порвался, и из него вытекла маслянистая жидкость, которая тут же впиталась в асфальт. После этого Томас достал из прикуривателя своё

оборудование и вернул прикуриватель на место. За это время чёрный дым рассеялся как не бывало. Впрочем, нет. Этот дым оставил очень много следов: в салоне автомобиля, на одежде Аллы и теперь уже на одежде Томаса – везде была чёрная, липкая, жирная сажа. Сама Алла не двигалась и была без сознания. Химики в Управлении своё дело крепко знают, но надо спешить: скоро она очнётся.

Томас поправил каштановые волнистые волосы Аллы и вынес её из салона на улицу. Дождавшись, когда её веки дрогнут, он набрал полную грудь воздуха и приготовился к процедуре дыхания изо рта в рот.

2.5.

Дверь палаты открылась, и вошла Роза Наумовна. В палате наступила тишина.

– Навела шороху? Говорили о женщинах? Не останавливайтесь, мальчики, я ваши сплетни страсть как люблю.

– Станислав считает, что собака лучше женщины, – сказал Леонтий обиженным тоном.

Роза Наумовна внимательно посмотрела на Станислава, даже прищурилась немного.

– Да кого Вы слушаете, Роза Наумовна!

– Таки что Вы сказали на самом деле, Станислав? – спросила Роза Наумовна, наученная опытом, что самое важное о пациентах можно узнать в любой момент и в самом отвлечённом разговоре.

– Он сказал, что ни одна женщина не может так любить, радоваться и ждать, как собака, – ответил за Станислава Леонтий.

– Так, Станислав, на выписку, – безапелляционным тоном заявила Роза Наумовна.

– Роза Наумовна, за что?! – испуганно сказал Станислав.

– А чего Вы мне больных портите? Чему Вы их тут учите? Надо учить доброму и светлому, как вот Марсель, например, делает. Или депрессивному, как Леонтий. А Вы им – реальность, как она есть. Мы так, Станислав Владимирович, не договаривались.

– Хотите, я свои слова назад возьму? Только не выписывайте.

– Точно возьмёте?

– Вот те крест! – с жаром сказал Станислав и даже перекрестился.

– О, господи, – аж отшатнулась Роза Наумовна. – Ладно, оставайтесь пока, но до следующего раза. Потом решение моё будет беспощадным. Леонтий, через тридцать минут в процедурную, потом Марсель. А Станислав сегодня пропускает, согласны?

– Роза Наумовна, с Вами спорить – означает обрекать себя на досрочную выписку; нет уж, извините. Так что я смиренно принимаю любое Ваше решение.

– Тогда после Марселя.

– Мудрая женщина! – воскликнул Станислав, соскочил с кровати и поклонился.

Дверь за доктором закрылась, и после непродолжительной паузы Станислав продолжил:

– Знаете, почему собака лучше, чем женщина?

Никто не ответил Станиславу. Тогда он встал с кровати, вышел на центральный проход и начал свою очередную речь.

– У собаки есть нервная система, и у женщины есть нервная система. Но у женщины есть еще и вторая сигнальная система, которая позволяет женщине не только думать и говорить, но и врать. А собака врать не умеет. И если женщина тебе радуется, то это может быть правдой, но может быть и ложью. Когда собака тебе радуется, ты видишь, что она радуется, и понимаешь, что самим фактом своего существования ты радуешь кого-то на этой проклятой планете.

– Почему это проклятой? – спросил Леонтий.

– Не об этом сейчас! – отмахнулся Станислав и, приняв позу Наполеона: выпятив грудь, заложив руку за полу халата, – продолжил. – Нельзя верить существу, у которого есть вторая сигнальная система. Таракану – можно. Крысе – можно. Крыса и есть крыса. Ты знаешь, что она может выкинуть, и веришь ей в известных пределах. Существу со второй сигнальной системой верить нельзя – пропадёшь.

– Так ведь и у мужчин есть вторая сигнальная система?! – осенило Леонтия. – Получается, и мужикам верить нельзя.

– Тут всё не так просто, – сказал Станислав, и по нему было видно, что он лихорадочно дорабатывает свою концепцию мироустройства. Пока она была глубоко проработана только

касательно женской стороны вопроса, и о том, что женщинам верить нельзя, у Станислава был собран богатый фактический материал. – Леонтий, тебе не пора в процедурную?

– Нет, ещё минут двадцать.

– Ну так что? – спросил Марсель у Станислава.

– Мне нужно с Розой Наумовной обсудить этот вопрос. Я вам расскажу, а потом у меня же проблемы будут. Нет уж, увольте, я из-за вас на улице не хочу оказаться.

– Выкрутился, зараза, – подал голос Марсель. – Ты понимаешь, что твоя способность выкручиваться прямо пропорциональна времени, которое мы проводим в тренировках?

Станислав лёг на кровать и открыл свою любимую книгу «Москва и москвичи». Минуту смотрел в книгу, потом не выдержал и сказал: «Английские учёные ещё в прошлом веке пришли к выводу, что телом человека и его сознанием изнутри кто-то управляет. Нами живут, понимаете? То, что вы привыкли называть «Я», никаким «Я» не является. Это фантик, обёртка. Кто-то, находясь глубоко в тех областях бессознательного, куда луч света вашего сознания не может проникнуть, живёт вами. Двигает вашим телом, дышит им, наслаждается и страдает. Сознание же нам дано, чтобы объяснить происходящее».

– Ты это сейчас к чему? – спросил Марсель.

– К тому, что собака – она и есть собака и ничего больше. А человек – это не только человек. Это кто-то ещё.

2.6.

Томас приготовился к процедуре дыхания изо рта в рот, когда глаза Аллы дрогнули, открылись и наполнились испугом.

– Слава Богу, Вы очнулись! – первым задал тему для разговора Томас. Теперь Алла должна была реагировать на то, что произошло и происходит с ней, а не интересоваться тем, кто такой Томас и что он тут делает.

– Что со мной?

– Машина загорелась, – предложил правдоподобную историю Томас, – еле успел Вас вытащить.

– Она сгорела?

– Нет, я успел ее потушить, – стал развивать свой успех Томас.

– Что же делать?

– Давайте сядем в мою машину и переведём дыхание.

– Да, давайте.

Некоторые мужчины считают, что очень непросто пригласить к себе в машину незнакомую девушку. Томас так не считал. Его инструктор по вопросам манипуляции сознанием говорил так: «Сделай свою машину самым безопасным местом, и девушка сама будет проситься вовнутрь. Управлять нужно не поведением, а желаниями объекта. Манипуляцию легко можно отследить, когда вы хотите от человека какого-либо действия, но, когда вы создаёте желания, манипуляция остаётся скрытой».

Томас помог Алле перейти через проезд между машинами, открыл переднюю пассажирскую дверь и усадил Аллу.

– Я перенесу покупки? – спросил разрешения Томас.

«Догадливый», – подумала Алла.

Томас положил покупки Аллы и её сумочку на заднее сидение, показав ей каждую перенесённую сумку. «Пусть успокоится», – подумал Томас. Потом он сел на водительское сидение и выдохнул, словно приходя в себя окончательно.

– Ого! – только и смог сказать Томас.

– Я в шоке.

– Хорошо, что я тут замешкался. А если бы никого рядом? – начал нагонять жути Томас. С детства девочки знают из сказок, что кто их от смерти спас, тот и... Тому и полцарства в придачу. Алла должна была понять роль и значение Томаса.

– Получается, Вы спасли меня! – догадалась Алла.

– Да, ерунда. Любой бы на моём месте...

– Не любой! Не любой! – словно убеждая себя в чём-то, сказала Алла.

Томас посмотрел на Аллу, и в его глазах мелькнуло узнавание, на которое так надеялась Алла ещё десять минут назад, когда только шла к своей машине. Но узнавание только промелькнуло на лице Томаса. Алла заметила эту мимолётную эмоцию. Она подумала, что молодой человек вспомнил её лицо, но не вспомнил, кто она. Он просто вспомнил, что где-то видел её лицо. «Ну хоть так», – решила для себя Алла.

Томас рассмеялся, стыдливо отводя взгляд от лица Аллы.

– Чего? Ну, чего ты? – спросила Алла, понимая, что ничего плохого не происходит.

Томас украдкой посмотрел на Аллу и повернул к ней зеркало заднего вида.

Алла потянулась к зеркалу, и поскольку для нее это было не удобно, ей пришлось опереться на правую ногу Томаса. Нога Томаса не шелохнулась, словно говоря: «Опирайся сколько угодно» и «Да, детка, на меня можно опереться».

Алла посмотрела на себя в зеркало и поняла причину смеха. Всё её лицо было в чёрной липкой саже.

– Твою дивизию!

Томас вскинул брови: неожиданная формулировка. Чувствуется словарный запас Брагина.

– Давай я помогу, – сказал Томас и полез на заднее сиденье за своим рюкзаком. Чтобы достать рюкзак, он должен был приблизить своё лицо к лицу Аллы и сначала смутился этого приближения, а потом со словами «я быстро» достал рюкзак.

– Не надо быстро, – повелась на уловку Алла, и Томас это заметил.

Томас достал влажную салфетку. Потом снова посмотрел на лицо Аллы и, демонстративно сдерживая даже не улыбку, а смех, стал примеряться, какими конкретно движениями можно вытереть сажу. Потом что-то понял, одумался и с испугом спросил, показывая взглядом на салфетку: «А можно? Она же на спирту, наверное».

– В подобной ситуации – можно, – разрешила Алла и удовлетворённо отметила про себя: «Внимательный».

Томас протёр ей лоб, протёр правую щёку, подбородок. Алла свободно подставляла лицо спасителю, словно процесс доставлял её удовольствие.

– Ничего не выходит, – сказал Томас и разочаровал Аллу тем, что прекратил процесс, который явно был ей по душе. Стресс от случившегося пожара проходил, и адреналин требовал разрядки.

Томас взглядом показал на зеркало и предложил Алле убедиться в этом самой. «Непросто сделать так, чтобы девушка разрешила тебе проводить ее до дома. Но можно сделать так, чтобы девушка сама захотела, чтобы ты проводил её до дома», – говорил инструктор на занятиях.

– Ты далеко живёшь? – спросил Томас причитающую Аллу, которая взяла свежую салфетку и стала сама размазывать сажу по лицу.

– Минут пятнадцать, – сказала Алла и показала, в какую сторону надо пятнадцать минут ехать.

– Давай довезу. А то как ты по улице пойдёшь... – сказал Томас, и тут на его лице появилось узнавание уже в полной мере. – Ты – Катюша?! В самом деле?!

Катюша – сценический псевдоним Аллы Брагиной.

Алла, которая всё это время ждала и хотела, чтобы её узнали, смутилась.

– Откуда ты меня знаешь?

– Так клип ведь... – начал сбивчиво объяснять Томас; но он сказал ключевое слово, и Алле было этого достаточно. Вот она слава!

2.7.

– Да нет ничего особенного в том, как я со своей познакомился, – сказал Леонтий, давая всем видом понять, что не хотел бы говорить на эту тему.

– Ну же, – сказал Станислав и подошёл к кровати товарища по несчастью, – расскажи.

– Да нечего рассказывать, – отмахнулся Леонтий.

– Леонтий! Освобожу от тренировки, – накинул козырей до кучи Марсель, и Леонтий сдался.

– Это же моя вторая жена. С первой я разошёлся, – Леонтий хохотнул, – да как разошёлся! Моя первая с её мамой решили меня в гроб свести. Только я с работы прихожу домой – и начинается пилка и колка дров, да всё об мою голову. Я уж и на вторую работу устроился, чтобы дома не бывать, но и это их не успокоило. Раз я жив, значит, дело не закончили; а они обе были такие... Как это... Целеустремлённые, вот! Дело кончилось тем, что на второй работе познакомился я с Лёхой.

– Это твоя вторая? – подколот Станислав.

– Перебьёшь ещё раз – замолчу, – предупредил Леонтий, и Марсель шикнул на коренного москвича во втором поколении.

– Леонтий, не обращай внимания, – предложил Марсель и уже этим задел Станислава. Как это – «не обращай внимания»? Станислав затаил обиду.

– Познакомился я с Лёхой, а тот турист. Ну такой, настоящий, профессиональный. С картами, с маршрутом, с планированием. Если вы не сталкивались с профессиональными туристами, то вам этого не понять. Вот, допустим, поход на три дня. Тогда планирование похода может занять месяц. Потому что успех похода определяется именно в момент планирования. И мы с Лёхой стали ходить в походы, так сказать, выходного дня. Соответственно, дома я стал бывать реже, и на душе у меня стало спокойнее. Бывало, сидим мы дома у Лёхи. Жил он с матерью, тоже, конечно, не сахар, однако ни в какое сравнение с мамой моей жены не идёт: тут тебе и биточки, и блинчики, и пирожки с капустой и с яйцом и луком... Хотя, конечно, пилит. Без этого, видимо, у них нельзя.

– Леонтий! – гаркнул Станислав и тем самым вернул Леонтия на правильный путь повествования.

– Короче, если у вас есть выбор, то мама лучше, чем мама жены. Обобщать не хочется, но у меня опыт такой, – Леонтий заметил, что все хотят продолжения основной истории, и вернулся к ней. – Сидим, планируем, сколько взять снаряжения. Консервы рыбные – 4 банки, лосось в собственном соку. Две банки шпрот. Мясная тушёнка – четыре банки. Рис...

– Леонтий! – прикрикнул Марсель. Все знали, что Леонтий легче всего вязнет в теме еды; потом его заклинит, и он не сможет ни о чём другом говорить и думать. Так что эту тему в его историях всегда приходилось преодолевать на силе воли и на окриках.

– Лёхе нравилось планировать походы чуть ли не больше, чем ходить в них. Как развернём мы карту: вот точка старта, вот родник, вот первый привал. И мы возьмём две банки рыбных консервов...

– Леонтий!

– В тот раз мы запланировали недельный переход по зимней Ладоге. У нас обоих был отпуск. Жене я про отпуск говорить не стал: она предложила бы найти какую-нибудь подработку, чтобы я не валялся на диване. За месяц, если не больше, мы стали планировать поход. Что возьмём из одежды? Какая обувь? Спальники? Как будем греться в палатке? Как сушить одежду? Сколько взять консервов?

Леонтий заметил, как строго на него все смотрят, и, не останавливаясь подробно на питании, продолжил.

– За три дня до выхода Лёха заболел.

– Коронавирус? – спросил Станислав.

– Да, но тогда ещё его называли по-старому: простуда. Заболел, значит. Что делать? Отказываться от похода? Но мы всё уже спланировали. Всё закупили. Всё дома у Лёхи складировано. Отказываться и обрекать себя на неделю в аду? Я на это не мог пойти. Взять кого-то неподготовленного в такой поход – убийство. Посоветовавшись с Лёхой, я решился идти один. Стартовать мы планировали от посёлка Питкяранта, затем идти мимо Валаама, не заходя на остров, далее с направлением на Приозёрск и оттуда электричкой до Ленинграда.

– Когда ж это было? При Советах? – спросил Станислав.

– Нет, четыре года тому назад, – сказал Леонтий.

– Тогда надо говорить: «Электричкой до Санкт-Петербурга», – уточнил Станислав.

Леонтий только отмахнулся.

– Леонтий, помнишь, ты собирался рассказать историю, как ты с женой познакомился? – напомнил Марсель.

– Это она и есть. Не смог я отказаться от этого так тщательно спланированного и обдуманного перехода. Взял свою часть припасов, которые, как и снаряжение, хранились у Лёхи, и поехал на Ладугу. Сначала всё было хорошо: в первый день я прошёл двенадцать километров и сделал привал в запланированной точке.

– Леонтий, побойся Бога. Меня раньше выпишут, чем ты закончишь, – снова поторопил Станислав.

– А на третий день я провалился под воду, – внезапно ускорился Леонтий.

– Как это? – удивился Николай.

– Так. С головой.

– А какая же была температура?

– Примерно минус двенадцать и ветер метров пять. Такой себе заметный ветер, и очень заметный морозец.

– Как же ты выжил?

– Захотел – и выжил.

– Заливай больше, – недоверчиво сказал Марсель.

– Ушёл я под воду с головой и понял, что тону. Одежда и сани с провиантом тянут на дно. Я изловчился и сбросил куртку, а с ней и упряжь саней. Сбросить-то сбросил, а сил нет. И понимаю, что погружаюсь на дно. Тут вдруг как будто что-то щелкнуло в голове: нет, мол, рано мне. Я жить ещё хочу. Не знаю, откуда взялись у меня силы, чтобы всплыть и сделать вдох. Ухватился я за край полыньи. Может, это трещина во льду была или промоина. Не было её в наших с Лёхой планах. И время года для неё было неподходящее. Она была припорошена мокрым снегом, вот я ее и не заметил. С третьей попытки я выбрался из воды. А ведь уже не верил, что выберусь. Просто хотел жить и продолжал дергаться. Выбрался – и тут же пожалел. Мороз просто парализовал меня. В каком-то бреде я стал снимать с себя мокрую одежду. Разделся догола. Мне казалось, что я сошёл с ума.

– Не тебе одному, – сказал Марсель.

Леонтий не обратил внимания на реплику.

– Смотрю: на снегу лежит вещмешок. Он был принайтован к саням.

– Прина... Что? – не понял Станислав.

– Принайтовано. Привязано, по-вашему. Видно, плохо я его привязал, потому что, когда сани пошли под воду вслед за мной, этот вещмешок свалился с саней и остался на снегу. В мешке – палатка, одежда, спальник. Я взял палатку, расправил её, но не устанавливал, потому что на это не было сил. Буквально терял сознание. Расправил я кое-как палатку, забрался в спальник, уже в спальнике, как смог, вытерся и растёр себя сменной одеждой. Немного согрелся. На санях был установлен ящичек для инструмента и дельных вещей. Была там и

удочка, и сапёрная лопатка, и бур. Лёха знал толк в приготовлениях к походу. Был там сухой спирт и даже газовая горелка для приготовления пищи.

– Сухой спирт? Просто добавь воды? – попытался пошутить и тем самым снять напряжение Станислав.

– Нет, это другое. Это – горячее, чтобы разогреть еду или согреться. Вот я и согрелся. Настолько, что стал соображать.

– Спорное утверждение, – сказал Марсель.

Леонтий даже не потрудился отмахнуться.

– Я согрелся. В бауле, который у меня остался, лежала бутылка рома. Я сам не сильно пьющий и не разбираюсь в этом, но Лёха считал, что ром лучше водки в зимнем путешествии; даже не для веселья, а именно как лекарство, чтобы кровь побежала по телу. Сделал я два глотка и не смог сопротивляться сну. Уснул. Проснулся через час снова мокрый, но теперь уже от пота и жара. Понял, что заболел. К этому времени я, по моим расчётам, был уже недалеко от Приозёрска: километров, может, восемь, но не больше десяти. По-хорошему, за день дойти было вполне реально. Я надел сухую одежду, кое-как подсушил обувь. Штаны у меня запасные были, а вот куртка была насквозь промокшей и ледяной. Я сделал подобие куртки из спальника и палатки. Думаю, примерно так выглядел Робинзон Крузо в своих первых одеждах из козьих шкур. Облачился я, значит, во всё это, хлебнул рома и пошёл. Как потом выяснилось, шёл я два дня. Куда? Каким маршрутом? Не спрашивайте, не знаю. Я даже не уверен, что всё это время шёл в этом мире. Были галлюцинации. Разговаривал со знакомыми, с женой. Позже жена сказала, что она в один момент почувствовала, что со мной что-то происходит, и даже чуть было не заволновалась обо мне, но мама её успокоила, сказав, что с такими, как я, никогда ничего плохого не происходит.

– Вот зараза, – в сердцах сказал Станислав как будто о чём-то своём.

– И вот наступил момент отчаяния. Понял я, что пришёл мой конец и надо мне проститься с этим миром. И обратился я к Богу и сказал, что хочу жить, – сказал Леонтий в каком-то религиозном экстазе.

В палате наступила тишина, которую никто не осмеливался прервать. .

– И Он сказал: «Тогда живи».

Первый не выдержал Марсель. Он громко рассмеялся, буквально прыснул смехом. Словно смех долго накапливался внутри него и рвался наружу, а когда, наконец, вырвался, то брызнул слезами, слюнями и, пардон, даже соплями. И сразу же после этого Марсель схватил подушку, уткнулся в неё и разрыдался.

Глядя на Марсея, а может, и по своей воле рассмеялся и Станислав. Каждый по-своему. Станислав с таким посылом, мол: «Позабавил, молодец! Ну ты и фантазер. Надо будет Розе Наумовне эту историю рассказать».

Леонтий смиренно ждал, когда все насмеются. Он ведь историю-то не закончил. Последним успокоился Марсель. Он лёг на кровать и отвернулся от остальных к окну.

– Продолжать? – спросил Леонтий.

– Продолжай, – сказал Станислав.

– Вы не верите, а я хорошо помню этот момент. Я попросил жить, и мне сказали: «Живи». А я не знаю, что было бы, если бы я не попросил. Думаю, эта кроватка была бы сегодня свободна. Не было бы меня с вами здесь, и не было бы меня нигде из тех мест, куда вы можете купить билет туда и обратно. Но не это разрешение было главным мистическим переживанием в тот момент. Я услышал «живи» – и в этот самый момент зажёгся фонарь. Электрический фонарь. Я, конечно, подумал, что это видение, но он светил и светил. А я к нему шёл и шёл. Шёл и шёл, пока не вышел к хутору на берегу Ладоги. Там стояло два дома. Я и постучал в окно того, рядом с которым был фонарь. Дверь открыла женщина. Не знаю, почему я ей сказал, что я русский. Турист, провалился под лёд. Хочу жить. Помню, как меня затаскивали

в баню. Помню, как пил какой-то отвар из трав. Помню скорую помощь и врачей, которые настаивали, что они меня не довезут и ещё один жмурик в этом месяце будет означать для них «минус премия». Они согласились отвезти меня в больницу только тогда, когда я им сказал, что выбрал «жить», и поэтому их премия в безопасности. Фельдшер, помолчав, сказал, что «есть шансы, что этот придурок до больницы все же дотянет, если такими длинными предложениями говорит». Потом была больница. Серьёзное воспаление. Но поскольку я выбрал «жить», я не сильно беспокоился; отчего-то я чувствовал, что мой выбор в силе. И ничто не может этот выбор отменить. По крайней мере, сейчас. Когда мне стало легче, меня навестила женщина, которая не отмахнулась от меня тогда, у фонаря, и вернула меня к жизни. Я каким-то образом понял, что мы должны быть вместе. Она была нужна мне, чтобы жить дальше. А я по какой-то причине оказался нужным ей. На том и порешили. Жена с мамой еённой в больницу ни разу не приехали. В основном по причине «ну чего на поезд и электричку тратиться, раз ты жив и скоро сам в Москву вернёшься». Я вернулся, чтобы забрать свои вещи и переселиться на Ладугу.

– А чего ты здесь?

– А по мне Роза Наумовна научную работу пишет.

– Как с Богом говорить? – не поворачиваясь, спросил Марсель.

– Она не говорит, – сказал Леонтий.

– А у тебя разговоры с Богом часто бывают? – всё ещё не поворачиваясь, спросил Марсель.

– Нет. С того дня у нас с ним не было подходящих для обсуждения тем. Всё какие-то мелочи.

2.8.

Алла согласилась, чтобы Томас, как преданный поклонник, довёз её до дома. Девушка не заметила, как две машины, заблокировавшие выезд с парковки, быстро и одновременно исчезли, стоило только каршеринговому автомобилю тронуться с места. Томас прекрасно знал дорогу, но позволял Алле показывать, где повернуть налево, где направо, а вот тут – во двор.

Томас остановился рядом с домом, в котором жила Алла. Возникла неловкая пауза. Алла вполне могла просто сказать «спасибо» и выйти. Но во время поездки Томас начал рассказывать про свои впечатления о клипе, об её актёрской игре. Он заметил всё: каждое движение и каждый поворот головы. Ну конечно, заметил. Музыкальные критики в Риге засмотрели этот клип до дыр, выискивая в нём хоть какое-то искусство, замысел и посыл. Напридумывали текста на две страницы. Томасу оставалось только хорошенько выучить текст и не сбиваться в расставлении логических ударений.

Поездка закончилась, но Томасу ещё было что сказать. Рассчитал он точно: Алла видела, что Томасу есть что сказать, и не хотела расставаться с ним, пока не узнает про себя всё.

– Меня Алла зовут, – сказала Алла.

Томас понял, что доверием он завладел.

– А меня Томас.

– Вы иностранец?

– Родился в России, сейчас живу в Евросоюзе, – Томас не стал говорить «в Латвии», потому что от мужа Алла могла слышать всякое об этой стране и сейчас насторожиться.

– Здорово, – Алла протянула руку, пытаясь придумать, под каким предлогом она могла бы дослушать пылкий рассказ Томаса до конца. И, не найдя никаких разумных причин, уже набрала полную грудь воздуха, чтобы попрощаться, обменявшись телефонами, и созвониться потом, когда оба будут чистыми. Вот тут Алла и заметила, что Томас тоже весь в саже. Вот оно – решение!

– Да куда же Вы такой чумазый пойдёте?! Пойдёмте. Умоетесь хотя бы.

– Это удобно? – скромно и даже испуганно спросил Томас.

– Конечно! Что Вы так испугались? Пойдёмте! – внезапно осмелев, сказала Алла и вышла из машины.

Томас тоже вышел, взял свой рюкзак, сумки с покупками Аллы, закрыл машину и направился вслед за ней к подъезду. Томас, конечно, знал код от подъезда, но отвернулся, когда Алла его набирала. В лифте они стояли так близко друг к другу, что в конце концов отвели глаза в стороны.

Когда они зашли в квартиру, Алла сразу отправилась в душ, приказав Тому похозяйничать на кухне и сделать к её возвращению кофе и бутерброды. Томас так и сделал. Но когда Алла вышла из ванной в халатике на голое тело, она не стала пить кофе с бутербродами, а почему-то, не сказав ни слова, потянула Томаса в спальню.

И надо же было такому случиться, что, когда Томас снял с Аллы халат, а с себя рубашку, штаны – да всё он с себя снял! – хлопнула входная дверь. Томас посмотрел на Аллу. У неё на лице было написано: «Да нет, показалось». Но нет, не показалось. В спальню вошёл Брагин. Он был почти вдвое старше Томаса и своей жены. Но в данном случае возраст не был недостатком: в Брагине было с избытком физической силы, не говоря уже про знание приёмов борьбы. Томасу, однако, нельзя было показывать свою подготовку и квалификацию. «Пусть думает, что я любовник жены», – подумал Томас и стал лепетать, что он тут случайно, что он ничего такого не хотел и что папа всё неправильно понял. Томас намеренно назвал Брагина папой. По возрасту это было правдоподобно, но по факту это была психологическая атака. Эта фраза могла убедить Брагина в том, что Томас тут не по его душу.

Алла же, видимо, неопытная в таких делах, бросилась голой объясняться с мужем. Томас успел только надеть трусы на одну ногу, когда получил первый удар в голову. Защищаться или бить? План «А» внезапно пошёл прахом. Плана, в котором Томас лично, непосредственно в рукопашном бою убивает Брагина, не было. Это прямое столкновение было нежелательным. Властям не потребуется много времени, чтобы понять, кто такой Томас и вычислить мотивы заказчика. Надо играть любовника до конца. Томас увернулся от второго удара и бросился на балкон. Там он быстро оценил высоту третьего этажа, вероятность для себя выжить и остаться дееспособным после приземления. Учитывая обстоятельства, шансы были приемлемыми. Томас перепрыгнул через балкон и стал опускаться по стальным прутьям ниже – минус метр высоты, с которой предстоит падать и который может оказаться решающим.

Во дворе стала собираться толпа. Пока что было три зрителя, но они уже достали телефоны. Основные зрительские массы должны были собраться с минуты на минуту. Томас осматривался и одновременно пытался надеть трусы на вторую ногу и натянуть их повыше, чтобы хоть как-то прикрыться.

На балконе тоже было нескучно. Брагин пытался дотянуться до Томаса и столкнуть его вниз. Алла, прикрываясь, кричала, что всё не то, чем кажется. При этом какая-то часть ее мозга понимала, что очевидцы снимают все на телефон, и Алла старалась повернуться к камерам «рабочей стороной». Другая часть ее мозга ликовала, что теперь про неё, её талант актрисы и певицы узнают все. Рано или поздно узнает даже Малахов, а следом и весь мир. Если быть до конца честными, то были и такие участки мозга Аллы, которые задавались вопросом, что сделает с ней Брагин, когда разберётся с этим несчастным поклонником. У Аллы постепенно в этих участках мозга даже рождались фразы; она по опыту знала, что потом эти слова для чего-нибудь да пригодятся. Или для легенды, или для песни, или даже для интервью. Главное, их не забыть.

Хорошо. В некотором смысле «хорошо» было только Брагину. У него была одна конкретная задача, после решения которой он займётся второй абсолютно конкретной задачей. Сбросить с балкона этого цепкого молодого любовника – задача номер один. И прибить эту потаскуху – задача номер два. Очень простой и понятный план. Но парень, зараза, вёрткий. Никак не скинуть. Не улизнул бы!

Томас примеривался, чтобы прыгнуть на балкон второго этажа, когда ему в затылок прилетела тумбочка с флакончиками и прочей мелочью жены Брагина. Хотя нет, немного не так. В тот момент, когда Томас отпустил руки, чтобы в полёте успеть схватиться за перила балкона этажом ниже и на секунду задержать падение, его тело начало падать; и поэтому, вероятно, летящая сверху тумбочка ударила чуть слабее, чем если бы Томас продолжал висеть на балконе Брагина. То самое сложение скоростей и всё такое. Или скорее даже вычитание. Физика за пятый класс, наверное. Если Томас потом вспомнит про это, то сможет точнее высчитать, насколько сила падающей тумбочки была меньше за счёт одновременного падения и самого Томаса.

План Брагина сработал. План Томаса нет. Вот что значит опыт и «быть сверху». Брагин под радостное улюлюканье толпы сбил тумбочкой любовника жены. Хотя если быть объективным, то некоторые собравшиеся зеваки все-таки были на стороне Томаса и предупреждали его об опасности, но всё произошло слишком быстро. Некоторые доброжелатели даже не успели договорить своё предупреждение, а Томас уже валялся на земле с пробитой головой.

Кто-то из зрителей догадался вызвать скорую. Скорая догадалась вызвать полицию. Алла догадалась одеться. Брагин догадался позвонить своему командиру, генералу, и доложить о происшествии. Короче говоря, колёсики завертелись.

Первыми приехали медики. Буднично осмотрели тело. Вызвали реанимацию и сделали укол. Приехали полицейские. Товарищ капитан почесал под фуражкой, посмотрел на балкон,

проследил предполагаемую траекторию падения. И, обращаясь к присутствующим, с надеждой в голосе спросил: «Это он сам?»

По смеху из толпы товарищ капитан понял, что нет. Не сам. Когда капитан заметил тумбочку, то уже ни в ней, ни рядом на асфальте косметики и духов не осталось. Публика посчитала, что распутной жене они пока без надобности, а если паче чаяния муж ее простит, то купит всё новое.

– Эта тумбочка тоже... Вместе... Упала с потерпевшим? – спросил капитан у толпы. На что услышал всякое, причем большая часть ответов ему не понравилась. Тогда он обернулся к лейтенанту, старшине и сержанту полиции.

– Опросить свидетелей, – приказал капитан, и количество зевак драматически уменьшилось, а оставшиеся стали удерживать безопасную дистанцию между собой и наступающими силами полиции.

Капитан дал добро, и медики, переложив Томаса на носилки со словами «если выживет, то дурачком поживёт ещё немного», – утащили тело в машину реанимации.

Из подъезда вышел Брагин, быстро разобрался, кто тут старший, подошёл к капитану и представился.

– Пройдёмте в квартиру, товарищ полковник, – сказал вмиг погрузневший капитан полиции. Кому охота разбираться с делом, в котором полковник внешней разведки выкинул в окно любовника молодой жены? Капитан был уверен, что не сегодня-завтра вскрыется более подробная информация о произошедшем. А именно: полковник вместе с женой вернулись домой – это, кстати, смогут хоть под присягой подтвердить свидетели – так вот, вернулись они домой, а там – вор. И хочет вор спереть, чёрт, тумбочку с дорогими духами – муж ведь любит свою жену, и духи поэтому дорогие. Так этот вор, испугавшись, рванул на балкон, сорвался и в полёте ударил себя случайно тумбочкой, которую почему-то не оставил в квартире. Почему вор был в одних трусах? Вот он очнётся и даст показания по этому поводу.

Капитан сильно огорчился тому, что человек, выкинувший любовника с балкона и приложивший его тумбочкой по голове, оказался полковником. «Что ж так не везёт? – думал капитан о себе, не про потерпевшего. Что потерпевший: ну грохнулся с третьего этажа, так сейчас-то жив-здоров. Маленько без сознания и башка пробита – так это ему ещё повезло. Полковник, пожалуй, мог бы и застрелить.»

Капитан поднялся с Брагиным в квартиру. Сели на кухне. Съели по бутерброду, которые приготовила жена. Брагин ещё обратил внимание, что жена как-то по-новому положила сыр и колбаску. Хм. Полковник рассказал капитану версию, до которой капитан и сам уже додумался. Чтобы закрепить версию, полковник дал капитану поговорить со своим генералом. Генерал сказал, что сам был свидетелем тому, как полковник с женой пошли домой, потому что не кто иной, как сам генерал, привёз супругов к дому где-то тридцать минут назад. И водитель генерала с удовольствием и в деталях подтвердит слова генерала. Ещё бы!

Капитан всё понял и не собирался сопротивляться. Он почему капитан-то? А всё характер. Капитан не спорил и записывал показания свидетеля. Потом они выпили за дружбу. Потом за взаимодействие между министерствами. Когда они прощались, полковник, размышляя, обронил, что вор может и не очухаться: возьмёт, да и тихонько скончается.

– Как Вы думаете? Есть такой шанс? – спросил полковник и внимательно, по-отечески посмотрел в глаза капитану.

Капитану чёт сразу поплохело, но он смог собраться и сказать: «Будем на это рассчитывать». Капитану захотелось на воздух.

2.9.

В дверь постучали. Роза Наумовна, которая была в ординаторской одна и заполняла историю болезни, подняла голову: свои тут не стучатся, а чужие не ходят.

– Да, – сказала Роза Наумовна, соображая, не почудился ли ей стук в дверь.

Дверь немного приоткрылась. За дверью стоял Станислав Владимирович Чуйко, пациент из 22-й палаты. Он мелко и энергично кланялся, извиняясь, что отвлѣк доктора.

– Что Вам, Чуйко? – спросила доктор Каплун, радуясь сразу двум обстоятельствам: стук ей не померещился, а визит пациента позволил отвлечься от нудной работы.

– Я по поводу нового пациента хотел напомнить, – заискивающе сказал Станислав.

– Марсель?

– Нет, мы бы хотели победить в соревновании...

– В соревновании?

Они так и разговаривали: Роза Наумовна, сидя за столом и развернувшись к двери под углом не менее 90 градусов, и Станислав, стоявший за приоткрытой дверью.

– Зайдите, Станислав. Расскажите про ваше соревнование.

– Понимаете, я создал формулу. Учитывается возраст, диагноз и история больного.

– Пациента, – поправила доктор.

– Да, больного пациента, – исправился Станислав. – Потом я вычисляю среднее значение, и по этому среднему показателю наша палата проигрывает всем остальным.

«Вы нормальный?» – хотела спросить доктор Каплун, но удержалась.

– Вам так важно победить? – спросила Роза Наумовна.

– Конечно, доктор.

– При этом другие палаты не знают, что вы с ними соревнуетесь?

– Как только 22-я выйдет вперѣд, мы им объявим.

– Что я должна сделать для вашей победы? – уточнила доктор.

– Пациента. Молодой. Небанальный диагноз и интересная история его госпитализации.

Самое ценное – история. За неё начисляется до пятнадцати базисных пунктов. За возраст – всего до семи. Если пациенту будет больше шестидесяти лет, то в итоговую сумму пойдѣт только один базисный пункт, а если ему будет двадцать, то все семь. Всѣ просто.

– С Вами всегда так, Станислав Владимирович. Идите в палату, я постараюсь что-нибудь придумать для вас. Больница сегодня дежурит по скорой; чем чѣрт не шутит – может, и нам кого-то подкинут.

2.10.

Лейтенант полиции, только что с отличием закончивший университет и приступивший к работе в оперативном отделе, проводил опрос свидетелей; правда, их ещё надо было поймать. Изрядно устав бегать за несознательными гражданами, лейтенант сел на скамейку и, наконец, заметил старушку, которая тут и была.

– А Вы давно сидите в данном месторасположении? – поздоровался лейтенант Вася Красных.

– А? – не поняла словоохотливая старушка.

– Говорю: какой продолжительности Ваше данное местонахождение?! – сказал Вася громче, разумно предположив, что старая карга от возраста оглохла.

– Чё говоришь? – спросила старушка и себе под нос добавила, – француз что ли или немец? В форме.

– Вы, – отличник-лейтенант полиции перешёл на язык жестов и показал на старушку.

– Тут, – лейтенант показал на скамейку.

– Давно, – лейтенант показал на запястье, где могли бы находиться часы. Хотя их там не было, Вася рассчитывал, что старушка помнит, что в её время носили на запястье.

– Сидите? – лейтенант, немного замешкавшись, показал на то место, каким он просиживал штаны в университете.

Старушка внимательно проследила за всеми его жестами и пристально посмотрела в глаза.

– Да лет двадцать, сынок. А ты француз что ли? Или немец? – наконец поняла вопрос старушка.

– Почему француз?

– Да не по-русски говоришь и жестами объясняешься.

– Я думал, Вы меня не слышите.

– Да слышу. Я тебя не понимаю. Говори проще.

– Не, бабушка. Мне сначала надо до генерала дорасти, а уж потом можно говорить проще. Если не разучусь к тому времени. Что можете показать по данному происшествию?

– Вот опять начал, – сказала старушка, – что ж тебе показать-то?... Я же старая. Не передумаешь? Давай хоть в квартиру зайдём или в подъезд.

– Бабушка! Что Вы несёте?! – понял намёки старушки Вася Красных и покраснел самую малость. Его смутило то, что если в отделе станет известно, к чему он склонял старушку – засмеют Васю, и карьера его закончится капитаном. Потому как история, что он просил старушку ему кое-что показать, уже не отлипнет, даже если он переведётся на Сахалин. – Не надо мне ничего показывать!

– Ослышалась, извини, внучок.

– Что Вы можете показать по данному делу?

– Ну вот опять.

– Показать – значит рассказать, дать показания, – пояснил Вася бабушке.

– Чего бы тебе сразу не сказать просто?

– Не могу. Карьеру надо делать, – признался Вася.

– А что ж, милоч, тебя интересует?

– Что Вы, бабушка, видели, находясь в данном месте?

– Видела, что мусор в наш бак выбрасывают жильцы семнадцатого дома, – сказала бабушка и села с таким видом, словно ждала, что лейтенант подорвётся решать первую поставленную задачу.

Лейтенант не подорвался; он только обхватил голову руками и в который раз задался вопросом: правильно ли он сделал, что пошёл получать высшее образование в заведение, которое было просто ближе всего к его дому, буквально через дорогу.

– Вы видели, как вернулась сегодня домой Алла? – Вася был вынужден перейти на человеческий язык в надежде, что его услышит только эта ведьма.

– Так ты русский! – обрадовалась старушка.

– Русский, русский. Тише. Говорите по существу.

– Как говорить? – снова засомневалась старушка в национальности лейтенанта.

– Видели, как Алла вернулась домой?

– Конечно, видела! – возмутилась старушка.

– Она была одна?

– Дурачок ты что ли? Если бы она была одна, то кого тогда муж ее с балкона выкинул?

– Вы видели, как Алла шла домой с потерпевшим?

– Ну, тогда он ещё выглядел очень привлекательно, – старушка посмотрела на Васю, – вот как ты, только гораздо лучше.

– Вы заметили что-то необычное?

– А когда замужняя женщина идёт домой с незнакомым мужчиной и у неё блестят глаза – это считается?

– А у неё блестели?

– Можешь мне поверить. Я профессионал в этих вопросах.

– А кто Вы?

– Без адвоката не будут отвечать.

– Что Вы ещё можете показать?

– Так ты сам отказался. Пошли ко мне, я тебе всё покажу. Распалил ты, касатик, моё воображение.

– Да, бабушка... Показать – дать показания по этому происшествию. Откуда они шли? Как? Что было в руках? Давайте подробности.

– Да чего тут давать. Приехали вон на той машине, вышли, взяли пакеты с покупками и пошли. Я по наивности подумала, что парень этот – подручный Брагина. Но потом увидела, как у Алки глаза блестят, и решила Брагину сообщить.

– На машине? Вот на той, каршеринговой? Что ж Вы молчали всё это время?! Тоже мне надёжный свидетель, – лейтенант подскочил и задёргался: то ли ему к машине бежать, то ли к капитану.

Хорошо, что в этот момент из подъезда вышел сам капитан.

– Товарищ капитан, разрешите доложить?

Капитан устало посмотрел на лейтенанта. От лейтенанта у капитана болела голова. Капитан кивнул.

– Путём опроса местного населения установлен факт прибытия потерпевшего и свидетельницы в автомобиле марки «Шкода», находящемся в данный момент на придомовой парковке. Доклад закончил. Лейтенант Красных.

Капитан посмотрел на старушку таким жалобным взглядом, что та спросила у него: «Ты-то хоть его понимаешь?»

– Я за жёстами слежу, – признался капитан. Старушка понимающе кивнула: служба и не должна казаться мёдом, у каждого свой дёготь. Капитану достался лейтенант.

2.11.

Скорая подъехала к пандусу. Носилки с Томасом быстро оказались в приёмном покое. Тут выяснилось, что на пострадавшем нет штанов, в кармане которых мог бы лежать полис обязательного медицинского страхования. Присутствующие стали смотреть друг на друга в поисках самого слабого звена, на кого можно было бы максимально безопасно спихнуть проблему.

– Посмотри, он жив? – спросил бородатый доктор другого, помоложе.

– Вроде жив.

– Ну, раз ты ему диагноз уже поставил, тогда давай, занимайся. Если потребуется помощь – звони, – сказал бородатый и ушёл.

Оставшиеся ждали, что скажет травматолог, оказавшийся крайним. Травматолог ждал. Самое обидное будет, если они сейчас займут операционную, а больной помрёт. И больного не спасли, и операционную нужно заново готовить. Обидно. Травматолог давал больному время определиться, куда он настроен отправиться – в какой мир?

Больной застонал, приходя в сознание, и это решило дело.

– В первую, быстро! – скомандовал нейрохирург травматологического отделения.

Уже в операционной, когда доктора внимательно обследовали раны, выяснилось: перед ними либо один из бессмертных, в которых в травматологии принято верить – ну или хотя бы допускать, что такие есть среди нас, – либо счастливчик, и тогда, когда он придёт в сознание, надо будет его руками купить пару лотерейных билетов.

Доктора уже знали историю больного. Муж застучал молодого мужчину с женой. Выкинул парня с балкона и вдогонку кинул тумбочку. Парню повезло, если это слово здесь уместно. Он упал не на асфальт, а на клумбу. Тумбочка рассклала кожу и рана много кровила, но череп даже не треснул. Ни одного перелома.

Меньше чем за час операция была успешно завершена, и больного, чтобы понаблюдать, перевели в реанимационную палату. Вскоре он пришёл в себя, и навестить удачливого подопечного зашел нейрохирург. Молодого нейрохирурга звали Найдёныш Олег Игоревич.

– Ну, мил человек, как Вы себя чувствуете? – спросил Олег Игоревич больного.

– Нормально, – сказал Томас.

– Помните, что с Вами произошло?

– Нет.

– Да, я бы тоже такое не захотел вспоминать, – согласился доктор.

Доктор осмотрел больного: проверил пульс, заглянул в глаза.

– Как Вас зовут? – спросил доктор.

Томас сделал усилие, которое отразилось на его лице.

– Что? Что такое? Больно? – встревожился доктор. – Тошнота? Голова кружится?

– Не знаю.

– Не знаете, кружится она или нет?

– Я не знаю, как меня зовут.

– Правда? – сказал доктор Найдёныш, с некоторым сомнением рассматривая больного. –

Мне отчего-то кажется, что Вы этим очень огорчите полицейских, которые просто обязаны установить Вашу личность и детали происшествия.

– Что со мной? – спросил Томас, заметно волнуясь.

– Уже всё хорошо, – успокоил доктор, как они это умеют, – отдыхайте, поспите, и всё пройдёт.

2.12.

Капитан в сопровождении лейтенанта направился к автомобилю, на который указала всезнающая старушка. Автомобиль оказался закрыт.

– А были у потерпевшего вещи? – спросил капитан у лейтенанта и пожалел раньше, чем тот начал отвечать.

– В настоящий момент известно, что потерпевшего в голем виде забрала бригада реанимационного автомобиля в составе двух фельдшеров и одного водителя. По показаниям свидетельницы... – тут лейтенант вспомнил, что не узнал установочные данные на эту ведьму, – неизвестной свидетельницы, потерпевший в сопровождении свидетельницы Аллы двигался от машины к квартире свидетельницы. Свидетельница, личность которой будет установлена в ближайшее время, не показала, что потерпевший был голым. Я думаю, что свидетельница заметила бы такое обстоятельство, и, надеюсь, сообщила бы органам правопорядка установленным образом.

– Повтори, – приказал капитан.

– Наверное, были, товарищ капитан. Не мог же он голым разгуливать.

Капитан удивлённо посмотрел на лейтенанта. Неужели удалось найти выключатель в его тупой башке?

– Значит, вещи остались в квартире, – вслух подумал капитан.

– Сбегать? – откликнулся лейтенант Красных, но тут же поправил форму и сказал, – разрешите проследовать к месту происшествия для описи и изъятия вещественных доказательств?

Капитан задумался: «А что если «натравить» этого лейтенанта на полковника Брагина? Будут ли у капитана от этого проблемы? Проблемы Брагина после принятия совместного решения о том, что пострадавший сам соскользнул с балкона, капитана не волновали. Отдаст ли Брагин вещи проходимца? Маловероятно. Нет, штаны, конечно, отдаст. Зачем ему чужие штаны? Но документы и телефон уже в сейфе. Доказательств, что они там были, у нас нет. Да и Брагин скажет, что документы и телефон сейчас там же, где дорогие французские духи его жены. Нет, полковник не будет сотрудничать. Не по рангу внешней разведке сотрудничать с территориальной полицией.» Капитан посмотрел по сторонам. В пятнадцати метрах от него стояли самые любопытные из свидетелей: пока представление не закончится, они не разойдутся. Среди зрителей капитан профессионально вычислил по быстрым и цепким глазам того, кто был ему нужен.

– Иди сюда, – капитан показал пальцем на парнишку лет двадцати, – не бойся. Должником у тебя буду.

Такой поворот заинтересовал Шмыгу, местного хулигана и мелкого вора. Шмыга всегда крал, когда была такая возможность. Он не обдумывал и не планировал свои преступления; он как коршун кружил по своей территории, отгоняя чужих дармоедов и подбирая всё, что плохо лежит. «Потом разберёмся», – было его правилом.

– Ну чё? – буркнул Шмыга, и лейтенант дёрнулся, чтобы восстановить субординацию. Капитан жестом остановил прыть младшего по званию.

– Можешь открыть? – капитан показал на каршеринговую машину.

Шмыга мельком взглянул на Шкоду. Почесал шею. Сделал вид, что задумался.

– А Вы мне два годика?

– Есть против тебя у нас что-то?

– Пара приводов, ничего серьёзного. Было предварительное, но ничего не смогли предъявить.

– Ладно, открой машину. Сочтёмся потом.

– Да чёта не хочется мне так рисковать на глазах у органов.

– Под кем ты? Хочешь, я через твоего старшего зайду? Машину-то ты по-любому откроешь, только должником я буду у твоего босса.

– Да чё ты сразу начинаешь, – даже вроде как обиделся Шмыга, – стой здесь, не уходи никуда. Я сейчас.

Шмыга исчез. Капитан подозвал старшину полиции.

– Что выяснили?

– Была драка. Тот столкнул этого с балкона. Этот повис. Тот кинул на него тумбочку.

Капитан задумался: от кого у него сильнее болит голова? От идиота лейтенанта или дебила старшины?

– Всё было не так, – сказал капитан, и лейтенант прислушался.

– Этот, – начал капитан на языке старшины, – сам сорвался с балкона. И пока срывался, схватился за тумбочку и упал вместе с ней.

– Но... – начал старшина.

– Нет, ты сам свидетелей поспрашивай. Уверен, что они тебе что-то такое и расскажут, – предложил капитан.

– Но они мне видео показывали, где этот висит, а тот его лупит.

– Это монтаж. Представляешь, какая сила нам противостоит? Уже Голливуд подключили, компьютерную графику сделали. Это тебе не человек-паук – это жизнь. И мы с тобой хотим её дальше жить. Вот ты, старшина, хочешь?

– Что хочу?

– Дальше жить?

– Думаю, что да. А какой ответ правильный?

– Запоминай правильный ответ: этот сорвался сам. Тот вышел на балкон, когда этот уже на травке лежал. Тот сразу кинулся первую помощь оказывать и скорую вызывать. Понял?

– Запомнил.

– Лейтенанту сможешь объяснить? – спросил капитан.

Старшина оценивающе, словно впервые видит, посмотрел на стоящего рядом лейтенанта.

– Смогу. Этот соскользнул, тот вызвал скорую. Вроде, всё просто, – сказал старшина.

Капитан с облегчением выдохнул. Лейтенант сделал движение к капитану.

– Даже не начинай, – остановил капитан.

– Открыто, – сказал Шмыга.

Капитан повернулся к машине. Каршеринговая машина стояла с открытой водительской дверью и мигающей аварийкой.

– А почему сигналка не ревёт? – спросил капитан, зная ответ.

– А надо? – удивился Шмыга.

Капитан подошёл к машине и заглянул в салон. Проверил под водительским сидением. Открыл изнутри пассажирскую дверь. Обошёл машину, открыл пассажирскую дверь, посмотрел в пустой бардачок: свидетельство на машину, инструкция по эксплуатации, противоковидная маска, эксплуатировалась нещадно каким-то бородатым идиотом. Теперь, поди, ищет по карманам. Придётся ему новую отковидную маску покупать.

Капитан наклонился и засунул руку под пассажирское сидение.

– Да какого чёрта! – закричал капитан, не доставая руку из-под сидения. – Лейтенант!

– Звали? – уточнил подбежавший лейтенант.

Капитан опешил второй раз за последнюю минуту.

– Пригласил.

– Я прибыл по Вашему приглашению, то есть по Вашему приказу. Или по приглашению?

– Заткнись! – прошипел капитан, не доставая руки из-под пассажирского сиденья. –

Быстро двух понятых сюда.

– Есть двух понятых, – ответил лейтенант и кинулся ловить понятых среди толпы любопытствующих, но те разбегались от лейтенанта как куры. Наконец, с помощью старшины были отловлены двое самых неповоротливых.

Понятых подвели к капитану, ознакомили с правами и обязанностями.

– Понятые, смотрите сюда, – сказал капитан, и понятые вытянули шеи, чтобы видеть происходящее, но лейтенант и старшина все равно загораживали вид.

– Лейтенант, сдриснул отсюда, мразь, и старшину забери! – рявкнул капитан.

Лейтенант обиделся и зашёл с другой стороны машины.

– Понятые, вам видно мою руку? – спросил капитан.

– Нет, – хором ответили понятые.

– Как – нет? – удивился капитан, у которого всё тело затекло, пока он сидел в такой скрюченной позе.

– Так она у Вас под сиденьем.

Капитан прошептал самые страшные ругательства, которые он не произносил со времён того самого происшествия, когда ему ещё только-только дали старшего лейтенанта.

– Вы видите, что моя рука под сиденьем?

– Да, – хором ответили понятые.

– Вы видели, что, когда я начал машину осматривать, у меня в руках ничего не было?

– Видела, – сказала одна понятая.

– Я на телефон отвлеклась, – сказал вторая понятая.

– Старшина!

– Я, – ответил старшина.

– Помогите понятой вспомнить, что у меня в руках ничего не было, когда я подходил к машине.

– Какой из них? – уточнил старшина.

– Той, которая не помнит! Зараза, что за день сегодня!

– А. Я вспомнила! Вот Вы сказали, и я так чётко вспомнила, что Вы без ничего к машине подходили. Это я потом уже на телефон отвлеклась.

– Старшина!

– Я.

– Кхм, – стерпел рифму капитан, – отставить напоминание.

– Так точно.

– Понятые, смотрим внимательно и не моргаем, – сказал капитан, и в этот момент у лейтенанта зазвонил телефон. В тот самый момент, когда рука капитана стала показываться из-под сидения, понятые, конечно, ослушались и отвлеклись на звонивший телефон.

– Ой, а я моргнула, – сказала первая понятая, и вторая решила не отставать: «И я».

Капитан встал, отряхнул брюки, подошёл к капоту автомобиля. Телефон лейтенанта всё ещё звонил.

– Ты чё на звонок не отвечаешь? – спросил капитан, понимая, что худший день в его жизни – прямо сегодня.

Лейтенант достал, наконец, телефон, посмотрел на экран, нажал «ответить»: «Мама, я не могу сейчас разговаривать. Нет. Ещё успею. Нет. Я нормально с мамой разговариваю. Всё, пока».

Капитан даже не отреагировал, чем до смерти напугал лейтенанта. Каким бы он ни был идиотом, но он знал: отложенный гнев начальника хуже спонтанного.

– Что там, товарищ капитан? – желая выслужиться и сменить тему, спросил лейтенант.

– А это мы сейчас все вместе посмотрим, – сказал капитан и стал разворачивать универсамовский полиэтиленовый пакет. В пакете оказался... пистолет. Большой. Чёрный. Настоящий пистолет.

– Нормально, – сказал Шмыга, стоявший рядом на всякий случай.

– Твой? – по-дружески поинтересовался капитан.

– Чё сразу «твой»?

– Ты машину открывал? Значит, ты и сунул, – капитан формировал правдоподобную версию.

Шмыга внезапно вспомнил, что его где-то в другом месте давно ждут какие-то более другие люди и рванул туда. Лейтенант кинулся следом.

– Остановите этого лося, – сказал капитан старшине.

– Кого из них?

Капитан схватился за голову: «Нашего». Старшина кивнул и кинулся в погоню. Видя старшину, который присоединился к погоне, Шмыга подумал: «Всё, вдвоём повяжут». Лейтенант подумал: «Всё, вдвоём повяжем». Старшина подумал: «Всё, надо на диету садиться».

Капитан стоял, смотрел на пистолет, и вся его жизнь пронеслась перед глазами. Так всё хорошо начиналось... Да и сегодня утро, как утро. И вот, на тебе, – пистолет. Теперь надо дело заводить. Надо полковника приобщать. Господи, что я не так сделал? Где нагрешил? Что тебе от меня надо? Чего ты до меня докопался? Занимайся генералами, мало тебе их что ли? Сотвори новых.

2.13.

У кабинета профессора Симонова Сергея Остаповича собралась очередь студентов. Шёл экзамен, и большая часть группы уже вышла. Сдать экзамен профессору психиатрии сложнее, чем закосить от армии. А ведь и закосить от армии – задача неординарная. Ты им: «Я темноты боюсь». А они: «Отправим тебя на подводную лодку, там всегда освещение включено».

Пришла очередь Анечки. За ней оставалось ещё двое студентов, таких трусливых, что Аня на их фоне была бесстрашной. Она прошептала слова молитвы: «Там, это, давай, чтобы всё хорошо было, проследи», – и открыла дверь. Так-то Аня не верила в Бога; но, когда сдаёшь экзамен, не до предрассудков – надо использовать любую возможность.

– А, моя любимица пришла, – сказал профессор недобро.

Впрочем, может быть и добро; однако студент, идущий к столу преподавателя, за которым ему предстоит отвечать на вопросы, не является идеальным чтецом интонаций. Рисует студент в этом состоянии мир исключительно в драматических цветах, мол, всё пропало.

– Здравствуйте, Остап Сергеевич, – сказала Аня.

– И сразу двойка.

– Почему?

– Ну как ты меня назвала?

– Ой, Сергей Остапович, извините, переволновалась, – сказала Аня, и это было правдой.

– Ну хорошо, пока карандашом и не в журнале, – сказал профессор, и Аня вспомнила, что так же говорила её любимая учительница по литературе двоечникам и никогда не ставила плохих оценок, позволяя в следующий раз ответить лучше.

Аня от этого воспоминания приободрилась.

– Сделаем вид, что ты вытянула билет, в котором первым вопросом является «Мировоззрение человека и его истоки». Готова отвечать без подготовки?

Аня кивнула. Села рядом со столом профессора и использовала несколько секунд, пока поправляла одежду, чтобы собраться с мыслями. Профессор был такой старый, что знал все уловки студентов; но он был такой мудрый, что не мешал студенту сосредоточиться.

– Я думаю, начинается всё с названий и межевания, – сказала Аня.

Профессор доброжелательно кивнул.

– Ребёнок от родителей слышит названия предметов и учится различать, где предмет начинается и где он заканчивается. Понимание предмета, у которого есть имя или название, и фона является фундаментом формирующегося мировоззрения. И одним из самых драматичных моментов, без которого невозможно представить осознающее мышление – это момент, когда человек впервые понимает, что есть он и что есть «не он». С этого момента перед каждым человеком встаёт два вопроса. Первый: «А кто я такой и как я могу выжить в этом мире?» Второй вопрос: «Что вокруг и что мне со всем этим делать?» Со вторым вопросом худо-бедно нам помогает образование и самообразование. Я думаю, процентов двадцать о том, что есть мир и что мне с ним делать, я узнала в классах и аудиториях. Я не знаю, что из того, что я узнала – правда. Учёные всё время уточняют свои гипотезы и карты мира. Только мне кажется, что обычный человек, однажды что-то усвоив, не утруждается переработкой своей картины мира только потому, что учёные открыли что-то снова.

– Например? – попросил профессор.

– Однажды в деревне мы с дедом ночью сидели во дворе. Он показал на небо и сказал, что там – пустота, а звёзды в небе висят неподвижно. Вот такой фрагмент мировоззрения по поводу окружающего мира у него был. Потом в школе нам рассказали, что межзвёздное пространство вовсе не «пустота» и звёзды не висят неподвижно. Они движутся по своим траекториям с впечатляющей скоростью. Через какое-то время, на каникулах, когда я снова гостила у деда, я

сказала ему, что там, – Аня выразительно показала вверх, – не пусто, и звёзды не неподвижны. Сказала и испугалась: а что если картина мира моего деда сейчас рухнет и он вообще с ума сойдёт?

– Рухнула? – спросил профессор безразлично.

– Как бы не так. Он только хмыкнул и предложил мне натаскать воды в баню, а не заниматься ерундой.

– И какой Вы делаете вывод?

– У деда есть некоторое объяснение реальности – мировоззрение. Оно могло быть религиозным, атеистическим, научным, бытовым – не важно. Важно, чтобы имеющееся мировоззрение позволяло ему решать задачи и не создавать особого дискомфорта в общении с окружением...

– Поподробнее, – снова попросил профессор.

– Тут лучше всего привести в пример политику, если позволите, – сказал Аня, и профессор согласно кивнул.

– Политическая ситуация в окружающем нас мире, как необходимая часть мировоззрения каждого из нас, требует осмысления, классификации и упорядочения. Немного найдётся людей, которых удивит существование стран, политических платформ и непримиримых взглядов на то, как именно мы все должны быть счастливы. Вот инопланетяне, глядя на планету Земля, даже представить себе не могут, что есть границы, столицы, власть и тюрьмы. Допустим, у них другое мировоззрение и мироустройство. Например, они договорились о правилах и сами их соблюдают. Если есть правила и они соблюдаются, то роль правительства исчезает. Ну и правда: чего им делать, если мы сами знаем, что хорошо, что плохо; мы знаем, что делать, хотим и делаем то, что надо. Всё, что в такой цивилизации может правительство, – это ставить под сомнение вечные ценности, вносить смуту в умы и потом наказывать заблудших.

– Употребляете запрещённое? – поинтересовался профессор.

– Нет, фантазия богатая.

– Продолжайте.

– Существо с другим мировоззрением, глядя на нас, вообще не поймёт, чего мы тут копыя ломаем. И это я ещё молчу, что у всех живых существ есть своё мировоззрение; и кто его знает, кто мы, люди, в глазах кошек или кур-несушек. Страшно даже подумать. Это я про мировоззрение наружу. Мы должны как-то картировать...

Профессор вопросительно поднял брови.

– Составить карту реальности, – продолжила Аня, – пока карта реальности не убивает нас, она считается годной, и обычный человек переделывает свою карту реальности с большой неохотой. Эта карта должна объяснить нам мир и должна обеспечить более-менее комфортное общение. Поэтому частью нашего мировоззрения является понимание, что у других людей, возможно, есть своя точка зрения. Это нас бесит. Зачем ему неправильная точка зрения, когда есть моя – правильная? Но люди упрямы как ослы. Хотя я, правда, не знаю, что по этому поводу думают ослы, и какое у них мировоззрение на этот счёт. Люди упрямы и держатся за своё мировоззрение так, будто оно чем-то лучше другого. Конфликты между нашими личными точками зрения на происходящее (а политика – самый острый вопрос в этом смысле) могут быть настолько разрушительными, что люди просто вынуждены картировать не только окружающую реальность, но и окружающих людей. И потом в мировоззренческой картине какого-либо конкретного человека может находиться две равнозначные установки. Одна: «В этот лес ни ногой, если хочешь жить». Вторая: «Цыганкам нельзя отвечать ни на какой вопрос, даже на самый безобидный».

– Так.

– У нас есть мировоззрение о мире и окружающих людях. О событиях. О явлениях. О народах. О партиях. Чтобы как-то понимать друг друга, мы должны иметь более-менее совпа-

дающие карты мира. Отчасти это решается тем, что мы смотрим одни фильмы, читаем одни книги, учимся по одним и тем же учебникам. Потом мы встречаем человека, который учился по другим учебникам, и не можем понять, как можно быть таким тупым. В это время наш собеседник примерно то же думает о нас. И всё это – меньшая из проблем мировоззрения.

– Вы удивительно оптимистически настроенная девушка, – сказал профессор.

– Это да.

– Вторая проблема?

– Мы через пень колоду поняли окружающий мир и других людей. А ведь нам надо понять и себя!

– Так, интересно, – сказал профессор и сменил положение тела на более удобное.

– Эволюционно нам достались две задачи: выжить и размножиться. Вселенная решила поиздеваться над нашим видом и сделала человека агрессивным, а сотрудничество – необходимым. Мы не можем ни выжить, ни размножиться в одиночестве. Хотя возможно, что в каких-то секретных лабораториях уже идут опыты. Та часть мировоззрения, которая направлена на наш внутренний мир, отвечает нам на очень важный вопрос: «Зачем всё это?» Человек так устроен, что вынужден всё наполнять смыслом. Даже свою жизнь. Что бы с нами ни происходило – мы скорее помрём, но не оставим ситуацию без осмысления. И это при том, что наше мировоззрение относительно мира и окружающих людей, как бы сказать помягче, – дебильное.

– Аня, Вы должны с большей ответственностью использовать профессиональную терминологию, – поправил профессор.

Аня согласно кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.